

ДАЖЕ ВСТРЕТИВШИСЬ ЛИЦОМ К ЛИЦУ
С ТАЙНАМИ ПРОШЛОГО, НЕ СМЕЙ ОТВОДИТЬ ГЛАЗ!

Ду Аньинь

18+

ВОЗВЫШЕНИЕ ДВОРЦА
БОЖЕСТВЕННОГО
ВЕЛИЧИЯ

Аньинь Ду
Возвышение Дворца
Божественного Величия
Серия «Freedom. История
дворца Дафань», книга 2

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73867012
ISBN 978-5-04-245190-4

Аннотация

Ли Чжэньмэй, хранительница мрачных тайн поместья Юйвэнь, сталкивается с призраком своей юности – умирающим Цуй Жусу. Их трагическая встреча раскрывает истоки ее ненависти и любви, истинное происхождение Юйвэнь Кая и предупреждение о коварстве старшей жены, Цуй Юйфан...

Эта часть цикла углубляет характеры, раскрывает шокирующие тайны, обостряет конфликты и задает траекторию для финальных столкновений в мире «Дворца Дафань».

Содержание

Глава 35	6
Глава 36	27
Глава 37	50
Глава 38	76
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Ду Аньинь

Возвышение Дворца

Божественного Величия

###

© ### 2019

Original Chinese copyright © 2019 by #####

Russian copyright © 2025 by EKSMO Publishing House

Russian translation edition arranged with

#####

Иллюстрация на обложке WEYPi

Художественное оформление К. Оскаровой

© Янченко П. С., перевод на русский язык, 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Глава 35

Ли Чжэньмэй: Башня Лунного Света

Толпы гуляющих заполонили Дундучэн во время Праздника фонарей¹. На всех улицах и переулках горели десятки тысяч огней, отчего в городе было светло как днем. Столичные молоденькие девушки, замужние красавицы и дворцовые служанки высыпали на улицы, где любовались фонарями, водили хороводы с песнями и наблюдали за скачками.

Шестнадцатилетняя Ли Чжэньмэй подвела глаза, припудрилась, оделась в новое розовое платье, заколола волосы на висках искусственными пыльно-голубыми цветами, а прическу украсила сапфировым гребнем. Она намеренно подражала зрелой красоте нарядов и макияжу замужних женщин. Закончив сборы, девушка грациозно уселась на лошадь и отправилась в город.

Ее целью были не гулянья с толпами пестро одетых шумных людей. Девушка направлялась к Башне Лунного Света, расположенной в западной части города, где проводились соревнования по конному поло и куда стекались кандидаты в цзиньши², приехавшие со всей страны в столицу сдавать эк-

¹ Праздник фонарей (Праздник Юаньсяо) – китайский традиционный праздник, отмечающийся 15-го числа 1-го месяца по лунному календарю и завершающий череду празднований Китайского Нового года. Кроме зажигания красных бумажных фонарей, к традициям праздника относятся массовые гулянья, фольклорные представления, а также поедание «юаньсяо» – супа со сладкими клецками из рисовой муки с разнообразными начинками. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

² Цзиньши – высшая ученая степень в системе государственных экзаменов кэцзюй в имперском Китае. Экзамен на эту степень проводился в столице раз в три года.

замен.

Прошлой ночью во сне Ли Чжэньмэй увидела прекрасного юношу в белых одеждах верхом на белом коне с клюшкой для конного поло в руках. Он подъехал к ней, заключил в объятия, и тут она проснулась, чувствуя, что ей непременно нужно отправиться искать своего возлюбленного среди участников соревнований по конному поло. Именно поэтому она так тщательно причесывалась и наряжалась перед выходом.

Каким человеком будет ее будущий муж? Сердце Ли Чжэньмэй томилось тоской по любви, а потому она часто воображала, что ее избранник обязательно будет хорошо образованным, искусным в военном деле благородным молодым господином. А еще он обязательно должен быть отзывчивым, бескорыстным, доблестным и смелым! Эх, есть ли такие мужчины в нашем мире? И даже если есть, неужели кто-то из них согласится связать себя узами брака с ней, девушкой из небольшого незнатного рода? Погруженная в фантазии, охваченная любовным трепетом, полная волнения юности она сидела на пони, неторопливо направлявшемся в сторону Башни Лунного Света.

Перед Башней скопилось море людей. Ли Чжэньмэй привязала своего пони к пеньку, а сама втиснулась в толпу. За соревнованиями по конному поло в основном наблюдали молодые юноши и зрелые мужчины, а потому очаровательная Ли Чжэньмэй сразу бросалась в глаза.

Толпа разразилась громоподобными одобрительными криками. Ли Чжэньмэй вытянула шею и вгляделась в игровое поле, там как раз велась ожесточенная зрелищная борьба между несколькими всадниками.

Взгляд девушки привлек красивый юноша в белых одеждах верхом на белом коне. Одной рукой он крепко держал поводья, а в другой сжимал биту с полукруглым окончанием. Сидя на спине коня, он ловко и молниеносно бил по мячам. Все мячи, использовавшиеся в конном поло, были размером с кулак, а их поверхность была украшена тонкими орнаментами. Тут мелькнула бита, изогнутая на конце в виде полумесяца, и остановила стремительно катившийся мяч.

– Ах, вот же он, это герой на белом коне из моего сна! – прикрыв рот рукой, прошептала Ли Чжэньмэй, ликуя от счастья. Ее глаза засверкали.

Не в силах сдержать свои чувства, она радостно захлопала в ладоши, игнорируя косые взгляды окружающих. Она-то знала, что это – герой ее сердца, он непременно станет ее мужем!

Юноша в белых одеждах не обманул ее ожиданий: самоабвенно погрузившись в игру, он обошел соперников и стал победителем. Пробираясь сквозь толпу, Ли Чжэньмэй всеми силами старалась приблизиться к своему герою, но поток людей преградил ей путь, точно стена, и она увидела, как тот, окруженный компанией восторженных всадников, покинул игровое поле. Ли Чжэньмэй протолкнулась сквозь толпу и

кинулась к своему пони – ей во что бы то ни стало нужно догнать его!

Однако пони Ли Чжэньмэй было не под силу тягаться со скакуном юноши в белых одеждах, так что она сильно отстала и уже была готова расплакаться от волнения. Тут свалилась вторая беда – ее окружила шайка бесстыжих распутных юнцов.

– Ай-яй-яй! Откуда у нас взялась эта малышка? Так и манит своими прелестями!

От испуга пони взвился на дыбы, Ли Чжэньмэй завизжала от страха, а в следующий миг уже грохнулась на землю, потеряв гребень, скреплявший ее прическу. Не дождавшись, пока хозяйка поднимется на ноги, пони прорвался сквозь окружавших их людей и ускакал в неизвестном направлении. Один похотливый юнец спрыгнул с коня и грубо обхватил Ли Чжэньмэй, намереваясь обесчестить девушку.

– Отпусти! А ну быстро убрал свои грязные лапы!

Ли Чжэньмэй было и стыдно, и страшно, и больно, она изо всех сил толкалась и пихалась, но толку от этого не было. В порыве отчаяния девушка вцепилась зубами в щеку обидчика. Это сработало – закричав от боли, он разжал руки, и Ли Чжэньмэй со взъерошенными волосами и в смятом платье вырвалась на свободу. Однако сбежать полностью у нее не получилось: парни окружили ее, взявшись за руки, эта живая стена гоготала и давила на девушку. Ли Чжэньмэй чувствовала себя как дикий зверек, посаженный в клетку и от-

данный людям на поругание.

– Свяжите эту дерзкую девку! – размахивая одной рукой и прикрывая щеку другой, скомандовал своим сообщникам укушенный Ли Чжэньмэй парень.

– Ах вы сволочи! Неужели совсем не считаетесь с императорским законом? – с надрывом завизжала Ли Чжэньмэй, в отчаянии кинулась на землю с рыданиями, сожалея о том, что легкомысленно ушла из дома в одиночку, из-за чего и попала в эту беду.

– Императорский закон? Я и есть закон! Я тебя выбрал, ты должна... ай! – Наглый юнец не успел договорить, как его хохот сменился истошным воплем.

– Что за наглецы смеют во времена мира и спокойствия бесчинствовать на улицах Дундучэна! – как гром среди ясного неба раздался звонкий голос.

Юноша в белых одеждах, словно спустившийся с небес, подъехал ближе и, размахивая битой для игры в поло, принялся колотить ею негодяев. От испуга те ударились в панику и, потеряв всякое достоинство, кинулись врассыпную.

– Девушка, скорее садитесь на лошадь и уезжайте из этого злачного места! – Герой Ли Чжэньмэй протянул руку, и она без колебаний крепко ухватилась за нее, как утопающий, цепляющийся за соломинку.

– Давайте я отвезу вас домой?

– Не нужно, так я только заставлю батюшку с матушкой беспокоиться. – Устроившись на лошади, Ли Чжэньмэй роб-

ко обхватила юношу за пояс.

Они стремительно помчались по дороге, пока не прибыли к задним воротам храма в окрестностях столицы.

– Это монастырь Аньго, думаю, те негодяи не найдут его. Девушка, вы натерпелись от них, отдохните пока тут, а я пойду распоряжусь, чтобы вам принесли новое платье переодеться.

Юноша в белых одеждах соскочил с коня, толкнул приоткрытую дверь и впустил Ли Чжэньмэй внутрь. Обстановка была довольно примитивной: только кровать, стол и стул, но комната была чистой и опрятной.

– Благодарю за заступничество. Могу ли я узнать имя моего героя? Чжэньмэй обязательно сохранит его в своем сердце и оплатит за помощь в будущем, – сгорая от стыда, произнесла Ли Чжэньмэй, опустившись в поклоне на колени.

– Фамилия вашего покорного слуги – Цуй, а зовут меня Жусу. Я не сделал ничего необычного, к чему церемонии? – Благородный юноша по имени Цуй Жусу торопливо поднял девушку с пола.

Платье Ли Чжэньмэй было порвано, обнажилась ее белоснежная грудь. Цуй Жусу невероятно смутился, отступил назад и сложил руки в почтительном жесте, намереваясь уйти.

– Молодой господин Цуй, – чувственно и нежно позвала Ли Чжэньмэй, словно обращаясь к возлюбленному, а затем решительно бросилась к нему в объятия, взмолившись: – Прошу вас, не покидайте меня, мой благодетель!

Она воспылала к нему чувствами с первого взгляда, хотела отдаться ему полностью, не страшась последствий этого скандального поступка.

Взрывы свадебных хлопушек пробудили Ли Чжэньмэй от воспоминаний о прошлом. Счастливый час настал, Чжэн Ми, дочь Чжэн Цецзуна, и Юйвэнь Сюн завершили свадебный обряд.

Такой расклад событий полностью удовлетворял желаниям Кая, а значит, и ей ни к чему давать ему вино из трехцветных фиалок, стирающее память. Стоя перед окном, украшенным узором из цветков сливы, Ли Чжэньмэй вдруг оцепенела. Цуй Жусу послал людей с поздравлениями и богатыми дарами, преподнес Юйвэнь Каю лук и арбалет – трофеи с острова Шэдао. Ли Чжэньмэй прекрасно понимала скрытый смысл этого поступка.

Цуй Жусу – ее спаситель, но он же величайшее бедствие, посланное ей судьбой.

Один из членов ее семьи отдал жизнь за родину, а потому сегодня она в одиночку отправилась верхом в монастырь Аньго в окрестностях столицы, чтобы помолиться о домо-чадцах и попросить благословения у богов.

Перед воротами монастыря расположилось множество лавочек, торговавших курительными палочками, восковыми свечами, погребальными саванами, гробами и прочими религиозными предметами. Была середина дня, люди сновали туда-сюда толпами. Бумажные фонарики, вывешенные у

входа, колыхались по ветру, а внутри лавки, продающей колокольчики, непрерывно звучал мелодичный звон: дин-дон, дин-дон. Услышав его, всякий проходящий замедлял шаг, а то и останавливался. Ли Чжэньмэй обожала слушать звон колокольчиков: он стучал по ее слабому сердцу, вздымая из глубин памяти мысли о былом.

Она купила курительные палочки, свечи, ритуальные бумажные деньги, трех жертвенных животных, а затем приказала слугам отнести два больших короба с едой в комнаты для постояльцев в боковом флигеле. Ли Чжэньмэй так хорошо знала это место, словно была у себя дома.

После того как вся ее семья погибла в пожаре, Ли Чжэньмэй было некуда податься, а потому ей пришлось прятаться в комнатухе на заднем дворе монастыря Аньго. Здесь она понесла от Цуй Жусу, здесь же столкнулась с отрядом Юйвэнь Цзэ и стала его наложницей, после чего и оказалась в поместье Юйвэнь. Монастырь Аньго сыграл центральную роль в ее судьбе.

Из кельи с приветствием вышел настоятель. Почтительно сложив ладони, он спросил, не нужно ли приказать послушнику подать гостею чаю и постных блюд. Ли Чжэньмэй махнула рукой в знак отказа, настоятель и простые монахи тотчас словно растворились.

Ли Чжэньмэй прошла в Зал бодхисаттвы Гуаньинь, прохладный, просторный и сумрачный. На алтаре маленькой горкой были сложены жертвенные дары и кушанья. Все по-

мещение было окутано ароматом курительных свечей, от которых змейками взвивался вверх синий дымок. Ли Чжэньмэй опустилась на колени на расшитый лотосами молитвенный коврик, закрыла глаза и принялась нашептывать «Сутру основных обетов бодхисаттвы Кшитигарбхи»³, молясь об упокоении души, скоропостижно покинувшей этот мир.

По залу пронесся бой колоколов. Дочитав сутру, Ли Чжэньмэй поднялась на ноги, вышла на улицу и повела лошадь в обход монастыря, направляясь к укромному заднему двору.

Ни одно из времен года не может сравниться с весной: пейзажи в эту пору неотразимы, ветер ласков и мягок, а солнце ярко и тепло. Весной пионы на заднем дворе монастыря Аньго расцветали в полную силу, но сейчас, когда наступили холода, деревья здесь стояли совершенно голые, потемневшие, довершая скорбную картину увядания. Ли Чжэньмэй охватила буря самых разных чувств. Вдруг до нее донесся мелодичный звон колокольчиков.

Услышав его, Ли Чжэньмэй вздрогнула: неужто демоны решили над ней подшутить? Трясущимися руками она толкнула задние ворота и оказалась, как и много лет назад, в той самой комнате. В этот миг ее сердце яростно забилося. Ближе, еще ближе, она уже могла отчетливо разглядеть ветряные колокольчики, развешанные под сводами галереи. В ветер и

³ Бодхисаттва Кшитигарбхи – один из наиболее почитаемых бодхисаттв буддизма махаяны, он дал обет не становиться буддой, пока все грешники не будут спасены.

дождь они колыхались в воздухе, словно призывая старых друзей или бывших возлюбленных вернуться вновь.

Ли Чжэньмэй залилась слезами, не в силах сдержаться, и толкнула деревянную дверь. В комнате все было по-старому: кровать, стол и стул.

На кровати сидел мужчина с осунувшимся лицом, одетый в светло-серые одежды.

– Наконец-то я дождался тебя. – Цуй Жусу выглядел слабым и беспомощным.

– Что с тобой? – Ли Чжэньмэй глубоко вздохнула, изо всех сил сдерживая бурлившие в душе страстные чувства.

– Я отравлен «Эликсиром бессмертия», медленно убивающим змеиным ядом, мне осталось недолго. Все эти годы я никак не мог забыть тебя, так что рад, что мы встретились, хоть и при таких обстоятельствах.

Высокомерие и свирепость, таившиеся ранее в глазах Цуй Жусу, сгладились рукой времени. Он достал нефритовую флейту ди и принялся вертеть ее в руках. Лицо Цуй Жусу было бледным, а дыхание слабым. Прекрасный благородный юноша превратился в дряхлого старца.

Ли Чжэньмэй стремительно подбежала и кинулась ему на грудь. Затем она распахнула его верхнюю рубашку, осмотрела уже начавшую гноиться рану и, покрыв ее парчовым платком, горько заплакала.

Из года в год не проходило ни месяца, ни дня, чтобы Ли Чжэньмэй не проклинала Цуй Жусу перед образом Будды,

и вот наконец тот осуществил ее желание. Так почему же ее душа не только не радуется, а, напротив, сокрушается скорбью? Он был единственным мужчиной, которого она любила всем сердцем, из-за него она натерпелась горя и мучений, за что и возненавидела. Однако только она увидела его, как злоба и обида сменились глубокой привязанностью и участием. Цуй Жусу и правда демон, посланный ей судьбой, сковавший ее любовью и ненавистью.

– Юйвэнь Кай, он же моя плоть и кровь? Сколько несчастий ты из-за меня претерпела. Я хотел достойно прожить эту жизнь, быть твердым в своих принципах. Я надеялся своими поступками сослужить добрую службу государю, не посрамить предков и жену, не подвести своих детей и воинов. Тебя одну я подвел, обманул тебя, – горько улыбнулся Цуй Жусу, с нежным чувством утерев слезы с ее лица.

Ли Чжэньмэй задрала рукав его рубашки, крепко схватила его за руку, а затем намертво вцепилась зубами в одряхлевшую плоть, всхлипывая, как младенец. Он все так же был ее самым любимым молодым господином Цуем, незабвенным героем ее сердца! Многие годы обиды, любви и ненависти, страсти и вражды обратились в стремительный поток, сносящий все на своем пути. Ли Чжэньмэй мертвой хваткой вцепилась в него зубами, точно так же, как укусила его за грудь в тот год в момент расставания.

– В свое время именно из-за твоего каприза жена и узнала все, обнаружив укус на ребрах, а затем и... Ты отравишься

ядом через меня, – остановил ее Цуй Жусу.

– Я не боюсь, коли уж умирать, так вместе! – потеряв голову от скорби, крикнула Ли Чжэньмэй.

– А как же наш Кай? – даже сейчас Цуй Жусу сохранил трезвость ума.

Его слова попали в точку. Ли Чжэньмэй замерла, не смея шелохнуться. В тот год только потому, что была беременна и лишена крова, она подстроила встречу в монастыре с отрядом Юйвэнь Цзэ, придумала, как разжечь в нем чувства к себе. Сколько лет она держала язык за зубами, сколько лет хранила эту тайну, живя в поместье Юйвэнь! И все это ради сына, ради Юйвэнь Кая. Ох, нет, – ради Цуй Кая.

– Ты тоже покинул меня, и у меня остался только Кай. Но ведь он мужчина, вырос и уже не повинуется матери. Теперь я осталась совсем одна, мне нет смысла дальше жить, – горестно всхлипывая, прерывисто произнесла она.

– Кай превосходит многих своей смелостью и находчивостью, тебе ни к чему тревожиться о нем. Но я волнуюсь о тебе. Цуй Юйфан из дома Юйвэнь – вовсе не простая женщина, тебе стоит быть начеку, – поглаживая темные волосы Ли Чжэньмэй, сказал Цуй Жусу, подчеркивая каждое слово.

– Сестрица Юйфан? Она же все свое время посвящает молитвам и изучению искусства бессмертия души, а я занимаюсь хозяйством поместья Юйвэнь. Разве она не должна быть благодарна мне? – буркнула Ли Чжэньмэй, явно не соглашаясь с мнением Цуй Жусу.

– Чжэньмэй, ты просто не понимаешь. Подобные ей благородные девушки из знатных семей знают множество способов бескровного убийства, владеют множеством манипуляций, позволяющих им скрывать свои подлости. Ты никогда не узнаешь, что у них в душе на самом деле, они тебя используют, а ты и не поймешь, – глаза Цуй Жусу сверкнули огоньком мудрости.

– Тогда... Что же мне тогда делать? – испугалась Ли Чжэньмэй.

Она дочь простой незнатной семьи, откуда ей было научиться прибегать к различным уловкам и хитростям?

– Под предлогом женитьбы Юйвэнь Сюна уезжай из поместья Юйвэнь вместе с Каем, начните жить отдельно. Накажи Каю стать простым ремесленником и тихо жить подле тебя, ни в коем случае не дай ему впутаться в дела императорского двора, – печально вздохнув, Цуй Жусу достал из-за спины черный лакированный ларец прямоугольной формы, инкрустированный перламутровым узором. – Жемчуга в этом ларце вам двоим хватит для безбедной жизни.

– А если сестрица Юйфан не позволит? Более того, что если люди начнут стыдить нас, попрекать, что жена и наложница Юйвэнь Цзэ рассорились? – Ли Чжэньмэй приняла тяжелый ларец, но все еще колебалась.

– Сплетни зевак и упоминания не стоят, когда речь идет о вашей с Каем будущей жизни и безопасности.

Цуй Жусу ласково поправил черный локон, упавший ей на

щеку. Они нежно смотрели друг другу в глаза. Когда-то и он был пылким юношей, без оглядки кинувшимся в сети любви. Время, о, время, зачем же ты посеребрило его волосы?

– Среди троих сыновей больше всех на меня похож именно Кай, но я никчемный отец, ничего не могу оставить ему. Однако прошу тебя, передай ему, что самое большое богатство на земле таится в толстых книгах, скрывается в бесконечном учении. Чтобы постичь истину нашего суетного мира, нужно стремиться не к власти и не к безграничному богатству, а к чистой мудрости, неосязаемым знаниям. Я оказался недостойным отцом, все, что я могу оставить Каю – это «Дао дэ цзин»⁴ и «Инь фу цзин»⁵, способные помочь человеку найти свое место в этом мире.

Ли Чжэньмэй, словно кроткий и послушный котенок, свернулась комочком в объятиях Цуй Жусу. Она упивалась запахом его зрелости и мужества, запрокинув голову, наблюдала, как двигается вверх-вниз его кадык, снова превращаясь в наивную девочку, много лет назад помешавшуюся на нем и потерявшую голову. Она не понимала его глубоких

⁴ «Дао дэ цзин», или «Канон пути и добродетели» – основополагающий трактат в даосизме, оказавший влияние на культуру и философию всего Китая. Основная его тема – трактовка понятия дао как некоего естественного порядка вещей, посланного Небом и не допускающего никакого внешнего вмешательства.

⁵ «Инь фу цзин», или «Канон тайных знаков Желтого Императора» – даосское философское сочинение, приписываемое легендарному Желтому Императору, посвященное астрологии и способам достижения бессмертия путем медитаций, дыхательных упражнений и специальных ритуалов.

мыслей, да и не хотела понимать. Он сам разбирается, что к чему, и хорошо. В этом она полностью доверяла ему, подчинялась ему всем сердцем.

Ветряные колокольчики на двери зазвенели с новой силой, за окном уже стемнело. Притянув к себе руку Цуй Жусу, Ли Чжэньмэй сквозь слезы в последний раз попрощалась с ним.

Они оседлали своих лошадей. Ли Чжэньмэй упорно ждала, пока Цуй Жусу отъедет достаточно далеко. Только когда его силуэт сжался в крошечную точку, едва различимую в вечерней мгле, она с тяжелым сердцем поскакала в сторону дома.

Вернувшись в поместье, она целый день не выходила на улицу. Две книги, которые Цуй Жусу оставил Юйвэнь Каю, она убрала в сумку из черного шелка, расшитую хризантемами и бабочками. Ли Чжэньмэй любила черный цвет. Цуй Жусу как-то сказал ей, что черный цвет – это водный цвет, цвет севера, а ее судьба как раз принадлежит воде⁶.

Переезжать или нет – Ли Чжэньмэй все никак не могла решиться. Ей было тяжело расстаться с роскошными покоями поместья Юйвэнь, с его блеском и великолепием. Она хотела, чтобы и дальше слуги вежливо называли ее госпожой,

⁶ В китайских гаданиях по системе Бацзы по дате рождения человека определяется, в каком количестве и соотношении в нем присутствует каждый из пяти элементов (земля, дерево, металл, огонь, вода), на основании чего даются рекомендации по всем аспектам жизни: от выбора имени и профессии до места жительства и способов поддержания здоровья.

чтобы и в будущем вся семья могла вместе жить в радости и согласии.

– Госпожа, скоро наступит Праздник весны, старшая госпожа просит вас заготовить вино тусу⁷ и продукты для банкета. В честь праздника в поместье Юйвэнь будет устроен торжественный пир, – опутив голову, в комнату с докладом вошла Юйнуэр, рабыня Цуй Юйфан.

Отпустив Юйнуэр, Ли Чжэньмэй подошла к заднему окну, приподняла штору и выглянула в окно. Все три здания на заднем дворе были отведены старшей супруге Цуй Юйфан, где она искала рецепт пилюли бессмертия. Вглядываясь в просветы между плотно посаженными соснами, Ли Чжэньмэй высматривала старшую супругу. Если бы не предупреждение Цуй Жусу, она бы никогда и не подумала, что в поведении Цуй Юйфан может быть что-то необычное.

Юйнуэр постучала в дверь, и Цуй Юйфан высунула полголовы в окно. Давно не выдавшая солнца кожа приобрела на щеках землисто-желтый оттенок, одрябла и свисала вниз. Вот вам и важная старуха! В ней напрочь отсутствовала прежняя утонченность и величие незаурядного человека. Ли Чжэньмэй, не заметив ничего подозрительного, отвела взгляд.

– Матушка! – раздался встревоженный голос Юйвэнь Кая, взволнованно стучавшего в деревянную дверь, словно дятел.

⁷ Вино тусу – вино, традиционно подающееся на китайский Новый год для изгнания нечисти.

– Кай, сынок, чтостряслось? – Ли Чжэньмэй отворила дверь.

– Матушка, Биюнь сказала, что у вас целый день маковой росинки во рту не было. Я приказал на кухне сварить рисовой каши, чтобы вы прогрели желудок.

Юйвэнь Кай был одет солидно, на его лице расплывалась улыбка, сквозь которую слегка просматривались черты его отца. От каши на подносе вздымался ароматный пар. Вспомнив о поручении Цуй Жусу, Ли Чжэньмэй впустила сына в покои, а затем передала ему книги.

– Взгляни. Любишь такое читать?

– «Дао дэ цзин»? «Инь фу цзин»? Матушка, с каких это пор вы поменяли вкусы и увлеклись этими книгами? – в изумлении спросил ее Юйвэнь Кай.

– Твоя матушка не так умна. Один выдающийся человек передал мне эти книги, сказал, что они могут помочь человеку найти свое место в этой жизни. А я все в толк не возьму, неужто эти книги могут в золото обратиться? Какое еще «свое место», разве не серебром только и можно обеспечить себе спокойную жизнь, купив дом и землю? – Взяв миску, Ли Чжэньмэй принялась маленькими глотками пить обжигающую жидкую кашу.

– Матушка, путь к счастью и богатству лежит через книги. Свое место в жизни, о котором сказал мудрец, это не просто дом и земля. А кто он? Можете ли вы представить меня ему? – Юйвэнь Кай радостно принял книги: такой подарок

был ему больше по душе, чем лук и стрелы.

– Он... Ну, в общем... Он удалился от мира и поселился в горах Чжуннань, в наш суетный мир выходить отказывается. Так что ни к чему тебе искать его покровительства, сам изучай эти книги, – от собственной лжи у Ли Чжэньмэй разрывалось сердце.

– «”Инь фу цзин” состоит из трехсот слов, первая сотня слов говорит о дао, вторая сотня – о законе, а третья – о мастерстве. Три части книги слиты воедино. Совершенномудрые, добродетельные, просвещенные и глупцы – каждый может, в соответствии со своими способностями, обрести знания с помощью этой книги...»

«Превыше всего стоит дао-путь, которого придерживаются боги и святые. За ним следом идет закон, способный обогатить страну и успокоить народ, а ниже всего идет мастерство побеждать в сражениях, командуя доблестными войсками. Совершенномудрые в процессе изучения этой книги познают дао-путь, добродетельные – овладевают законом, просвещенные – осваивают мастерство, а мелкие люди лишь навлекают на себя бедствия. У каждого своя судьба», – Юйвэнь Кай с удовольствием декламировал нараспев отрывки из канона.

Ли Чжэньмэй радостно смотрела на сына, старательно читавшего книгу. Не отличишь от Цуй Жусу в молодости! Тут до ее слуха донеслись радостные голоса и смех Юйвэнь Сюна и его молодой жены. Ли Чжэньмэй надеялась, что и Кай

познает счастье брака, тогда ей как матери можно будет умереть без сожалений. Разве воспитать достойных и успешных потомков не главный долг матери?

– Кай, я собираюсь готовить вино тусу, ты рад? – сияя от удовольствия, спросила она своего любимого сына.

– Матушка, а разве вы не собирались специально для меня приготовить вино трехцветных фиалок? – спросил Юйвэнь Кай, не поднимая головы.

– Не вздумай его пить!

– Почему это?

– От этого вина люди теряют память, – печально ответила она сыну.

– А оно может помочь забыть муки и беспокойства? Чтобы остались только приятные воспоминания и чистота души? – взбодрился Юйвэнь Кай.

– Нет. Оно стирает без исключения и мучительные, и прекрасные воспоминания, превращая человека в слабоумного.

Глава 36

На Цинчжао: Идти по снегу в поисках цветущих слив

По сравнению с величественными усадьбами прочих главнокомандующих дом На Цинчжао был и впрямь скромн. Во дворе стояло несколько двухэтажных кирпичных зданий, покрытых зеленой черепицей и не украшенных даже резьбой по камню. Воротные столбы были покрыты черным лаком, вокруг них вились засохнувшие лианы – единственные уцелевшие напоминания об осеннем пейзаже. Кто бы мог подумать, что за воротами уже давно шел обильный снегопад, приближалась суровая зима.

Поместье утопало в ночной тиши. Только в галерее у покоев На Цинчжао висел красный фонарик, развевавшийся на ледяном ветру. Какое счастье иметь фонарь, когда мир окутан мраком и безмолвием.

Распахнув глаза и тяжело дыша, На Цинчжао полулежал на кровати. Непрерывный кашель вот уже несколько дней подряд мучил его, отчего он напрочь лишился изящества бесстрашного героя. Щеки ввалились, кожа лица обвисла, только прямой орлиный нос и блестящие черные глаза сохраняли суровый облик главнокомандующего. Темная борода и усы, красота которых раньше вызывала всеобщее восхищение, растрепались и пожелтели, напоминая заросли сухой травы в пустоши. Во всем его облике сквозило дыхание приближающейся смерти.

– Отец, вот лекарство, которое прислал наставник Дуань из дворца, оно укрепляет тело, восстанавливает здоровье, сварено из чудодейственных трав. Пейте, пока горячее, – за-

ботливо предложил На Лоянь, садясь на кровати больного.

Юноша только что отдернул толстую портьеру, защищавшую комнату от ветра и снега, и вошел в покои, держа в руках испускающую пар чашу с лекарством. Он был плотно укутан в темно-синие меховые одежды, а голову покрывала теплая шапка.

Говорят, что даже самые почтительные дети теряют терпение при уходе за долго болеющим родителем, но преданность На Лояня отцу была безоговорочной. На Цинчжао не вставал с постели уже очень давно. Жена, пожаловавшись, что он кашляет посреди ночи, переехала в другую комнату и сейчас уже спала. В эту морозную зимнюю ночь только сын На Лоянь по первому зову поднялся ото сна, чтобы ухаживать за ним.

– Когда Цзялань разрешится от бремени?

С трудом проглотив терпкую жидкость, темную и густую, как копоть, На Цинчжао почувствовал, как весь рот обжег вкус горькой полыни. Тогда он решительно взял чашку с лекарством и, запрокинув голову, несколькими большими глотками выпил все без остатка. Ну уж нет, так быстро к владыке загробного мира Янь-вану он не собирается, он еще должен дожждаться рождения второго внука.

– Скоро уже, повитуха говорит, осталось полмесяца. Отец, не беспокойтесь так сильно, вам сейчас намного важнее беречь свое здоровье. Императорская супруга Мужун расхваливала мудрость и искусство врачевания наставника Дуаня.

Как буря утихнет и небо прояснится, ваш кашель тоже пройдет. – На Лоянь осторожно протирал рот отца от остатков лекарства. Даже обычная холодность лица не могла скрыть его печали, пока он успокаивал родителя.

– Наставник Дуань? Разве он не прихлебатель Юйвэнь Чжоу? Когда он успел сблизиться с супругой Мужун? – Оперевшись на подушки, На Цинчжао задумчиво нахмурил брови, а затем достал из ящика у кровати гребень и принялся кое-как расчесывать спутавшуюся бороду и усы.

– Супруга Мужун говорит, что наставник Дуань непрерывно ищет ее милости, преподнося бальзамы и эликсиры для сохранения красоты. Возможно, он догадался, что супруга понесла от императора, а потому и старается заранее снискать ее расположения? – подумав, предположил На Лоянь.

– Он ведь вечно притворяется, что занят изготовлением пилюли бессмертия и поиском духовного совершенствования, ему дела нет до лести и заискиваний, так что он наверняка замыслил что-то недоброе. Поскорее пошли зашифрованное письмо супруге Мужун, предупреди ее, что ни в коем случае нельзя слишком много общаться с наставником Дуань. Вспомни, как закончила супруга Цинь – всего-то сблизилась с Во Фоцзы, а как была поймана, то сразу отправилась в заключение в Холодный дворец, – глаза На Цинчжао властно сверкнули.

– Вы говорите мудрые вещи, отец. Супруга Мужун еще

слишком молода, во дворце у нее нет семьи и опоры, бездушные негодяи легко смогут ей воспользоваться, – закивал На Лоянь.

– Если ей воспользуются, это еще полбеды, самое важное для человека – быть полезным. Сынок, слышал, здоровье главы императорской канцелярии Цуй тоже не в лучшем состоянии? Неужели после смерти сановника Мужуна очередь до нас дошла? Самое большое сожаление в жизни – это умереть прежде, чем успеешь осуществить свои чаяния! – На Цинчжао отложил гребень, оставив половину бороды всклокоченной, его глаза покраснели. Он совсем упал духом.

На Лоянь взял гребень и заново принялся расчесывать бороду отца, не зная, чем его утешить.

– Глава императорской канцелярии Цуй отравился Эликсиром Бессмертия, ядом с острова Шэдао. Боюсь, ему не пережить эту зиму, – наконец произнес он скрипучим голосом после долгого молчания.

За окнами взвыл ледяной ветер, забился о портьеру, словно желая разорвать ее. Его жуткие звуки напугали На Цинчжао, и тот забился в приступе удушливого кашля. Одной рукой он схватился за грудь, а другой стал беспорядочно размахивать, из-за чего случайно столкнул чашу с лекарством на пол. Фарфоровый сосуд с дребезгом разлетелся на маленькие осколки. Ужас от приближения смерти заставил На Цинчжао отчаянно вцепиться в парчовое одеяло и прижать его к груди.

– Отец! – поспешно вскочил На Лоянь.

Он склонился над отцом и принялся бить его по спине, пока того не вырвало недавно выпитым лекарством. Черная жижа с кровавыми ошметками быстро затвердела. На Цинчжао не смог сдержать дрожь – он только что боролся за жизнь. Кашель наконец прекратился. На Цинчжао глубоко вздохнул: он только что был на волосок от гибели.

– Действие Эликсира Бессмертия с Шэдао коварно, как жаль, что проницательный господин Цуй попался в эту ловушку!

– Отец, к чему беспокоиться о главе канцелярии Цуе? Позвольте мне снова пойти к врачу, попросить его осмотреть вас и выписать новое лекарство, – опустившись на колени, с болью в голосе взмолился На Лоянь.

– Не торопись, сынок. Боюсь, мою болезнь уже не излечить. Я скорблю о сановниках нынешней династии: каждый из них был великим героем. Цао Гуй из Тяньшуя, мудрый и смелый, опытный и ответственный, добившийся своего титула многочисленными боевыми заслугами. Юйвэнь Цзэ из Ляодуна, амбициозный, прекрасно владевший луком и стрелами, презиравший богатство и ценивший долг превыше всего. Мужун Синь из Лунси, спокойный и уравновешенный по характеру, благородный муж и храбрый воин, завоевавший сердца воинов своими добродетельными поступками. Умнейший Цуй Жусу из Срединных равнин, чьи мудрость и проницательность превосходили многих. Однако как

плохо все они закончили! Ты не знаешь, но когда яд Эликсира Бессмертия начинает действовать, он мутит рассудок человека, тот впадает в безумство и умирает, это страшно!

На осунувшемся лице На Цинчжао промелькнула паника. Всем людям суждено умереть, но ведь смерть может наступить по-разному.

– Отец, вы хотите, чтобы я известил Вэньтина, предупредил его, что необходимо подготовиться? – услышав слова родителя, На Лоянь побелел.

Люди, впавшие в безумство, способны на любые ужасающие поступки, кто захочет оказаться рядом?

– Не стоит, у каждого своя судьба. Я умру от болезни – просто чуть более достойная смерть, чем та, что настигла их, только и всего. Но я не намерен легко сдаваться. Ты унаследуешь мои звания и титулы, – голос На Цинчжао был ледяным, а щеки болезненно покраснели от недавнего приступа кашля.

– Отец, зачем вы такое говорите? Я уже попросил наставницу Чжисянь молиться за ваше здоровье, читая «Золотую сутру». И с Цзялань мы уже договорились – когда она родит, мы вместе с вами отправимся на гору Дахэйшань, чтобы совершить богослужение и попросить благословения.

На Лоянь и Мужун Цзялань придерживались учения Будды, их любовь к старшим была выше всяких похвал. На Цинчжао ощущал их искреннюю заботу.

– Государь повесил кого-то за последнее время? – вдруг

резко вспомнил он.

– Я слышал только, что некий Юйвэнь Юньфэй, безвестный юноша из младшего поколения его рода, стал главой телохранителей государя. Его величество очень доверяет ему. Супруга Мужун передала эту новость, – На Лоянь не понял, к чему отец спросил об этом, и просто честно рассказал все, что знал.

– Юйвэнь Юньфэй? Даже я о нем не слышал. Откуда он взялся? Хм, его величество подозрителен, если он доверил ему такой важный пост, значит, этот юнец совершил какой-то выдающийся поступок, – холодно фыркнул На Цинчжао, обдумывая, что может втайне замышлять этот Юйвэнь Юньфэй.

– А, этот юноша – подчиненный Чжэн Цецзуна, главы уезда Чжэньчуань. Раньше он исполнял обязанности стражника в доме Цзялань. Однажды матушка Цзялань отругала его, после чего он исчез, никто не знал, где он и что с ним. Оказалось, что он убежал под покровительство Чжэн Цецзуна, а теперь неожиданно стал главой телохранителей государя. – На Лоянь почувствовал, что умудренный опытом и потому осторожный отец хочет что-то сказать.

– Передай во дворец супруге Мужун, чтобы она остерегалась этого человека!

На Цинчжао глубоко вздохнул, тяжесть в легких увеличилась. Он рассудил, что предатель, раскрывший заговор Цао Гуя и Мужун Синя, почти наверняка связан с этим Юйвэнь

Юньфэем. Однако его силы были на исходе, он ничего не мог предпринять, чтобы найти доказательства, а потому нельзя торопиться с выводами и обвинять Юньфэя в преступлении.

– Но он так заботлив по отношению к супруге Мужун, он отомстил за нее, не потребовав никакой награды. Отец, может, вы чересчур подозрительны? – уважительным тоном объяснил На Лоянь, опустившись на колени.

Какой почтительный образцовый сын! Сам сохраняет спокойствие и при этом терпеливо успокаивает. Ученик превзошел учителя, род На благословлен достойным потомством. Пристально взглядываясь в невозмутимое лицо сына, На Цинчжао испытал полнейшее удовлетворение. Перевернувшись на бок и приняв более удобное положение, он задал встречный вопрос:

– Отомстил? Что еще за возмездие?

– Он завел его величество в небесные сады Сюаньпу в горах Куньлунь, обесчестил этого оборотня по имени Лин Босян, а затем скормил волкам, после чего захватил жилище, которое она с таким усердием возвела, и превратил в походный дворец государя, где тот может отдыхать в жару, – при упоминании оборотня на лице На Лояня промелькнула едва различимая усмешка.

– Какая же это месть? Это же просто фальшивая отговорка, скрывающая его стремление к собственной выгоде. Не стоит недооценивать хитрые замыслы этого человека, – На Цинчжао с трудом покачал головой.

Внезапно в глазах помутнело, он почувствовал, как его словно придавило скалой усталости.

– Лоянь, сынок, натерпелся ты, ухаживая за отцом все это время. Вернись в свои покои, отдохни, я хочу поспать немного.

Перед уходом На Лоянь укрыл отца одеялом, задул свечу и плотно закрыл дверь. В крошечной темноте ночной бездны завывал ледяной ветер, пролезая через оконные и дверные щели, из-за чего в комнате было холодно, как в погребке. Лоянь переживал, что дым от горящего древесного угля только усугубит кашель отца, а потому не стал затапливать печь. На Цинчжао долго ворочался, не в силах заснуть. Он понимал, что ему осталось недолго, но отчего эта мука так невыносима?

Погрузившись в царство грез, он крепко проспал до следующего дня. Ото сна На Цинчжао пробудил сияющий, ослепительно белый свет, просачивавшийся сквозь шторы – должно быть, снегопад прекратился и погода прояснилась. Прошлой ночью он не кашлял. Подняв руки, он потянулся и ощутил лишь бодрость духа и свежесть утра, а также сильное желание любоваться снегом, сидя у огня и попивая вино.

Когда он поднялся с постели и оделся, в комнату вошел На Лоянь. В руках он держал глиняную вазу в форме груши, белую, точно снег или полотно. Ваза была наполнена цветущими ветками редкого сорта абрикосов муме.

– Отец, вы сегодня отлично выглядите! Эти цветы абри-

косов муме собрали ночью на горе Владыки Лао по приказу Цзялань. Получилось набрать всего три вазы. Его величество любит эти зеленые цветы, поэтому две вазы отправили во дворец супруге Мужун, а эту я хочу преподнести вам. Позвольте, я поставлю ее около кровати, аромат этих цветов освежает и полезен для легких.

«Среди всех цветов лишь он
Бросил вызов снегу, честь и слава!
И весну он средь первых встретил»⁸.

Цзялань так почтительна к старшим, это настоящее благословение для меня. Пойдем, помоги мне. Я желаю пригласить нескольких старых друзей собраться на застолье, чтобы полюбоваться снегом и вдоволь выпить!

На Цинчжао потянул сына за руку и отдернул шторы. Двор поместья был засыпан толстым слоем чистого снега, взбиравшаяся по столбам галереи лоза тоже облачилась в белые одежды. Небо прояснилось, его бескрайний свод был насыщенного синего цвета. Как давно он не видел такой красоты, как хорошо стало у него на душе.

– Дорогой свекор, обождите, прежде съешьте этой каши со сливами, она напитает вашу селезенку и желудок. Вы не опоздаете, если выйдете чуть позже. – Подошла его невестка

⁸ Цитата из стихотворения поэта времен династии Юань Ян Вэйчжэня (1296–1370). (Прим. ред.)

Мужун Цзялань.

На плечах девушки была красная мантия с капюшоном и карманами, беременный живот сильно выдавался вперед. На морозе щеки ее зарумянились, шаги были плавными.

– Ай-яй-яй, дорогая моя! Куда же ты вышла-то? Ветер холодный, будь осторожна, а не то замерзнешь. Поскорее вернись в комнаты и отдохни! – На Лоянь поспешно забрал у жены миску с кашей.

– Цзялань, не стоило так утруждаться ради меня, – видя, как разумна и почтительна его невестка, На Цинчжао испытал даже большую радость, чем от хорошего вина.

– Хорошо, слушаюсь мужа и батюшку, – кротко поклонившись, Цзялань вернулась во внутренние покои.

– Батюшка, есть еще одно дело, о котором я пока не сообщил вам. Сегодня утром пришло письмо от главы канцелярии Цуя, он пригласил вас вместе отправиться в павильон на заднем склоне горы Владыки Лао, чтобы полюбоваться снегом. Я подумал, что вы все еще неважно себя чувствуете, а потому взял на себя смелость отклонить приглашение. – Поддерживая отца под руку, На Лоянь привел его в комнату, где вручил приглашение на позолоченной красной бумаге.

– Это подождет.

Съев сливовую кашу, На Цинчжао открыл приглашение. Ему сразу бросились в глаза стихи, написанные скорым почерком Цуй Жусу:

«Сквозь снега пробились сливы на Нефритовом пруду,
Сиванму зовет отведать блюд чудесных поутру.
Побеседуем о жизни, об успехах и делах,
На том озере чудесном будем пьяны в пух и прах».

– Сынок, пошли людей седлать мне коня и наполнить два кувшина тысячедневным вином. Я отправляюсь любоваться снегом с другом!

На подъеме чувств На Цинчжао воспылал мужеством и решительностью. Как ни посмотри, во всем императорском дворе осталось лишь трое старых чиновников, сочетающих в себе ум и мастерство: он, Цуй Жусу и Гао Чэндао.

Ехал он медленно. Озеро за горой замерзло и было похоже на огромное отполированное зеркало, в котором преломлялись мягкие лучи солнца. Беседка располагалась в конце извилистого подмостка, уже издали были видны клубы дыма, вздымавшиеся в небо, нос улавливал аромат поджаристого мяса.

– Я так погляжу, старик Цуй немало народу пригласил, как же мне радостно! Но, пошла! – Взмахнув хлыстом, На Цинчжао подстегнул своего боевого коня, тот громко заржал и как по ветру помчался к беседке, словно вспомнив былые времена.

На Цинчжао спустился с коня у беседки, подле которой пышно цвело бордовое сливовое дерево. Глядя на белый снег и красные цветы, эту мужественную и трагичную картину, он вспомнил большие сражения в снежных полях,

по которым точно таким красным цветом струилась кровь. На Цинчжао пробрала дрожь, но, немедленно собравшись с мыслями, он широким шагом вступил в теплую беседку.

– Главнокомандующий На пожаловал, какая честь, какая честь! – на покрытом ковром возвышении у стола сидели Цуй Жусу с почерневшим лицом и поседевший Гао Чэндао.

Двое малолетних мальчиков стояли на коленях у жаровни, подогревая вино, солдаты из свиты жарили мясо на вертеле. Стол был уставлен кувшинами и кубками с вином, разнообразными мясными и овощными блюдами. Тут же были и сладости: пирожки фуцзы⁹, пирожки жуи¹⁰. Пир был подготовлен на совесть!

– Это все затянувшаяся болезнь, я только-только пошел на поправку. Живот уже давно безобразничает, урчит, требует вина и мяса. А тут еще и в таком красивом месте пир, ну как же я мог отказать?

На Цинчжао прекрасно понимал, что Цуй Жусу и Гао Чэндао – люди образованные, а потому постарался сделать свою речь более изысканной.

– Я прекрасно понимаю ваши чувства, главнокомандующий На. Жить мне осталось недолго, поэтому пока тело еще

⁹ Пирожки фуцзы, или пирожки с иероглифом «счастье» – круглые сладкие пирожки с начинкой из тыквы, кокосовой стружки, бобов и крема. Название получили благодаря иероглифу «фу» (счастье), который либо оттесняли, либо рисовали пищевым красителем на одной из сторон пирожка.

¹⁰ Пирожки жуи, или пирожки исполнения желаний – круглые плоские пирожки из слоеного теста и начинкой из фиников, бобов и кунжута.

может носить меня, решил попить со старыми друзьями.

На Цинчжао услышал скрытый смысл слов Цуй Жусу – и то верно, каждая встреча на одну ближе к последней.

Гао Чэндао поднялся на ноги, потрясая седой и редкой козлиной бородкой. Под влиянием подогретого вина его лицо покраснело и приобрело радостный вид. Бодрым голосом он произнес:

– В жизни человека есть девять изящных удовольствий: дегустировать чай, возжигать благовония, слушать дождь, любоваться снегом, приветствовать луну, выпивать вино, сажать цветы, медитировать в уединении и играть на цине. Сегодня мы одновременно испытаем два из них: полюбуемся снегом и посадим цветы, разве это не прекрасно?

На Цинчжао полжизни провел в седле, сражаясь с неприятелями. Он был либо в пекле битвы, либо во дворе императора, где ему было взять время, чтобы испытать эти девять изящных удовольствий? Ему нечего было ответить, а потому он просто занял свое место, взял пиалу с обжигающим вином, стоявшую перед ним, и залпом осушил ее. От горячего алкоголя у него запершило в горле, и он снова зашелся сильным кашлем.

– Поскорее отрежьте главнокомандующему На кусок мяса на закуску! – заботливо приказал Цуй Жусу.

Чернота его лица только усилилась, он был совсем не похож на утонченного ученого мужа, которым был когда-то.

На Цинчжао подавил кашель, взял кинжал и отрезал себе

кусок приготовленного мяса. Снаружи беседки послышался топот копыт – с коней прыгнули На Лоянь, Юйвэнь Сюн, Цуй Вэньтин и Юйвэнь Кай. Между ними завязалась оживленная беседа, время от времени прерываемая звонким юношеским смехом.

– Глава канцелярии Цуй, к чему вы молодежь позвали? – У Гао Чэндао не было сыновей, только единственная дочь, которую он не показывал свету и воспитывал в закрытых женских покоях. Он не терпел шутивого и непринужденного поведения молодежи, а потому сейчас был крайне недоволен и еле сдерживал гнев.

– Кто из нас не был молодым? Я позвал их, чтобы оживить атмосферу. Мы, три дряхлых старика, и вина не допьем, и с мечами не станцуем – половина удовольствия от любования снегом пропадет без следа. Господин Гао, с друзьями все же веселее, – сказал Цуй Жусу, переводя дух – он хотел рассмеяться, но у него совершенно не осталось сил. – Вэньтин, войди и поприветствуй отца, господина Гао и главнокомандующего На.

Цуй Вэньтин поспешно приблизился и преклонил колени, приветствуя старших. Увидав его утонченные черты лица, темно-синие одежды и драгоценный меч за поясом, гордую осанку, бодрость лица и надлежащие манеры, На Цинчжао про себя восхитился – в роду Цуй знают толк в воспитании подрастающего поколения.

– На Лоянь приветствует отца, господина Цуя и господина

Гао.

Его родной сын, ледяной страж Будды На Лоянь, тоже опустился на колени в приветственном поклоне. Среди четверых юношей он выглядел немного более степенным, возможно, это было связано с тем, что он сам скоро должен был стать отцом. Юйвэнь Сюн только недавно женился, а Цуй Вэньтин и Юйвэнь Кай были холосты, и потому все они, естественно, вели себя более ребячливо.

Крепко сложенный рослый Юйвэнь Сюн и утонченный Юйвэнь Кай вместе преклонили колени и в один голос отчетливо произнесли:

– Братья Юйвэнь Сюн и Юйвэнь Кай приветствуют господина Гао, главнокомандующего На и господина Цуя.

Увидев приветствие этих двоих, Цуй Жусу через силу поднялся на ноги, вышел из-за стола и поднял их с колен. На Цинчжао пришел в сильное недоумение: как тот заботлив по отношению к братьям Юйвэнь, странно!

– Мы тут собрались, чтобы в снегах искать цветы сливы. Господа, прошу к столу, пир и любование снежным пейзажем начинаются! – хлопнув себя по лбу, рассмеялся Цуй Жусу.

Друг за другом каждый направился на свое место, а Юйвэнь Сюн с золотой рукой развернулся, вышел из беседки, и, обнажив меч, направился к сливовому дереву. Он долго всматривался в него, запрокинув голову, а затем одной рукой срубил ветвь, на которой было больше всего пышно цве-

тущих свежих цветов. Взвалив ветвь на плечи, он вернулся и воткнул ее в снег поблизости от жаровни. Лепестки посыпались с ветки, какие-то залетели в костер, где превратились в черные лоскуточки, другие опали на белый снег, напоминая капли алой крови.

– Молодой господин Юйвэнь, как вы грубы к дарам природы! – горько воскликнул седовласый Гао Чэндао, ударив себя в грудь.

– Разве господин Цуй не хотел полюбоваться цветами сливы в снегу? Сливовое дерево так далеко, как же насладиться его красотой? А сейчас на него можно не только смотреть, но еще и потрогать, разве не замечательно? – разумно парировал Юйвэнь Сюн, потряхивая золотой серьгой в ухе.

На Цинчжао про себя усмехнулся: а Юйвэнь Сюн и впрямь страха не знает, но все-таки слегка уступает Юйвэнь Цзэ. Если бы тот был здесь, то уже наверняка бы перевернул столы и ушел не оглядываясь!

– Господин Гао, мой старший брат с благим намерением это сделал, надеюсь на ваше мудрое снисхождение и понимание, – поклонившись Гао Чэндао, вступился за брата Юйвэнь Кай.

– Ох, господин Цуй, главнокомандующий На, я не желаю сидеть за одним столом с грубияном, не знающим толк в изящных наслаждениях и так кощунственно надругавшимся над очарованием белого снега и красной сливы. Прошу меня извинить, но я не могу более составлять вам компанию!

Гао Чэндао был строптивым стариком, который открыто давал отпор даже государю, что уж говорить о молодом Юй-вэнь Сюне. Взмахнув рукавами одеяния, он вышел из-за стола и направился к своему коню. Все словно остолбенели, наблюдая, как он устроился в седле и уехал. Лошадь Цуй Жусу вдруг сорвалась с привязи, встала на дыбы, издав горестный вопль, и мгновенно скрылась из глаз, умчавшись за Гао Чэндао.

– Отец, с чего вдруг ваша вороная ускакала? Я верну ее! – Цуй Вэньтин выскочил из беседки и торопливо оседлал своего коня.

– Вэньтин, вернись. Убежала, и будет с ней.

Взглянув на Цуй Жусу, вдруг резко ставшего медлительным и неуклюжим, увидев пустоту в его глазах, На Цинчжао почувствовал, как у него упало сердце. Неужели яд вот-вот проявит свое действие?

– Слушаюсь, отец, – Цуй Вэньтин покорно вернулся на свое место за столом.

Цуй Жусу охватила дрожь, сильно трясущейся рукой он поднял кубок.

– Господа, давайте выпьем этого прекрасного вина! Юй-вэнь Сюн, подними нам настроение танцем с мечом. Вэньтин, а ты прочитай стихи. Ох, голова словно чугунная. – С трудом проглотив вино, Цуй Жусу вдруг резко осел, все его тело задергалось в жутких конвульсиях.

– Отец, что с вами? – громко закричал Цуй Вэньтин и

схватил его за руку, пытаюсь помочь.

– Не прикасайся к нему, яд в его теле начал действовать. Он скоро лишится рассудка и впадет в безумие, нам всем надо поскорее удалиться! – суровым голосом произнес На Цинчжао, поднявшись с места.

– Нет! Помогите спасти отца, главнокомандующий На! – горько зарыдал Цуй Вэньтин, кинувшись На Цинчжао в ноги, но тот непреклонно схватил юношу и потащил прочь из беседки.

– Твоему отцу не поможет даже великий врачеватель Хуа То¹¹!

Глаза Цуй Жусу превратились в змеиные и позеленели, он весь стал похож на гадюку, подвергнувшись нападению. В порыве безумия он разодрал одежды на своем теле, обнажая загноившуюся иссиня-черную плоть, источавшую странный запах. Он высунул длинный багровый язык, схватил одного из мальчишек, не успевшего убежать, и вцепился зубами в его шею. Ребенок завопил от ужаса и боли, покатился по земле, а из раны на его шее заструилась пурпурная кровь. Цуй Жусу вошел в экстаз, он бешено кинулся к нему и принялся пить кровь.

– Дело плохо! Быстро все по коням, спасайтесь! Глава канцелярии Цуй сошел с ума, он жаждет человеческой крови! –

¹¹ Хуа То (145–208 гг.) – странствующий медик Древнего Китая, живший в эпоху Хань. Он первым начал использовать анестезию, владел иглоукальванием и разбирался в гинекологии.

На Цинчжао выхватил меч для защиты. Он сам не ожидал, что этот яд настолько коварный, что превращает зараженного в змею-каннибала.

– Я не боюсь! – Юйвэнь Сюн выставил вперед алмазный меч, заслоня остальных.

Цуй Вэньтин испугался до смерти, но не отступил. На Лоянь и Юйвэнь Кай тоже не решались двинуться с места. Они боялись смерти, но последствия, если бросить безумного Цуй Жусу, их пугали больше.

– Главнокомандующий На, молю вас, спасите моего отца! – в отчаянии снова плюхнулся на колени Цуй Вэньтин, жалобно взывая к На Цинчжао.

– Мальчик мой, я хотел бы его спасти, но сейчас для него единственное спасение – это безболезненная... Нет, лучше просто уйдем поскорее. – На Цинчжао мрачно отбросил первую мысль. – Уйдем поскорее!

– Нет, я никуда не пойду! Я спасу отца! – отчаянно зарычал Цуй Вэньтин, мучительно закачав головой, отвергая слова На Цинчжао.

– Я сделаю это! – снова подал голос Юйвэнь Сюн, наставив драгоценный меч в спину Цуй Жусу.

– Брат, не смей! – срывая голос, крикнул Юйвэнь Кай и попытался удержать его.

– Юйвэнь Сюн, ты посмел угрожать моему отцу! Я покончу с тобой! – Цуй Вэньтин тоже выхватил меч и нацелил острие на плечо Юйвэнь Сюна.

– Цуй Вэньтин, он уже не твой отец, теперь это сумасшедший людоед! Ты что, не видел, что он только что сотворил? Он сосет человеческую кровь! Я лишь хочу защитить людей! – Юйвэнь Сюн и бровью не повел в ответ на угрозу Цуй Вэньтина, вложил все силы в одну руку и проткнул мечом спину Цуй Жусу, пронзив жизненно важные точки.

Цуй Жусу в недоумении повернул голову и широко раскрыл окровавленный рот. Его глазные яблоки просветлели, а во взгляде не было страха. Он словно очнулся. Выдавив из себя последнюю улыбку в жизни, очень причудливую, он бессильно рухнул на землю. Из-под него во все стороны потекла иссиня-черная густая кровь, впитываясь в снег.

Цуй Вэньтин бросился вперед, кинулся на колени подле отца и разрыдался. Юйвэнь Кай плакал рядом с ним.

– Юйвэнь Сюн, я убью тебя! – подняв меч, рванулся на обидчика Цуй Вэньтин.

На Цинчжао тяжело вздохнул, ноги подкосились от слабости, и он осел в снегу. Хорошо, что Юйвэнь Сюн положил конец опасности, но вот только теперь род Юйвэнь и род Цуй станут кровными врагами.

– Отец, из поместья приехал человек с донесением, у Цзялань начались преждевременные роды. Нам надо скорее вернуться или сначала разрешить сложившуюся здесь ситуацию? – спокойно доложил ему На Лоянь.

– А ты как думаешь? – спросил На Цинчжао сына.

– Ситуация здесь критическая, а Цзялань дома, там ма-

тушка и повитуха, они позаботятся о ней. Боюсь, даже если помчимся домой, то ничем помочь не сможем, – резонно рассудил На Лоянь.

– Тогда я спокоен, сынок.

На Цинчжао почувствовал тяжесть в голове и слабость во всем теле, опрокинулся на снег. От холода снежного покрова по телу прошла приятная дрожь, над головой распростиерлось полотно голубого шелка, прекрасное и чистое. На Цинчжао последний раз вырвало кровью, обогрившей снег, как лепестки сливы, после чего он со спокойным сердцем сомкнул глаза и погрузился в темный водоворот. Колесо перерождений повернулось, и он направился навстречу своим почившим друзьям.

Глава 37

Чжэн Ми: Чудесная молитва

Первые лучи утреннего солнца озарили павильоны и террасы и просочились сквозь зеленые занавески в спальню супругов Юйвэнь. В щели приоткрытой двери лучи слились в золотую струю, направленную четко в шелковый полог. Налетел ветерок, полог шелохнулся, и золотая струя остановилась на лице сладко спавшей Чжэн Ми и замерла, словно влюбленный до безумия юноша, ожидающий благосклонности объекта своих вздыханий.

Резко очнувшись от приятных грез, Чжэн Ми поняла, что проспала час, когда должна была поприветствовать матушку Цуй Юйфан. Поначалу Чжэн Ми хотела встать, но, откинув полог, ощутила пронизывающий холод и тотчас свернулась под теплым одеялом. Не зная, чем занять себя, она вытащила из-под подушки бирюзовые подвески в виде драконов и принялась любоваться ими. Это был подарок на помолвку от ее возлюбленного.

Возлюбленным Чжэн Ми был ее названный старший брат Чжэн Иннянь, сын ее мачехи и того самого безвременно почившего кузнеца. Когда ей было четырнадцать лет, они вдвоем вкусили запретный плод в полях за стенами города, тогда названный брат и подарил ей эти подвески в качестве признания в чувствах. Чжэн Ми перевязала их цветной шелковой лентой и носила на груди.

Опьяненные первой любовью, молодые люди часто встречались за городскими стенами, где однажды и были обнаружены отцом, выехавшим на охоту. Отец метал громы и мол-

нии, неистово и жестоко хлестал Чжэн Инняня кнутом, пока Чжэн Ми жалобно умоляла его остановиться. Воспользовавшись моментом, Чжэн Иннянь сбежал на подкосившихся ногах, но оступился и упал в трясины.

Застрав в болотной жиже, Чжэн Иннянь протянул обе руки к Чжэн Ми и с отчаянием взмолился о помощи. Она кинулась к нему, но отец за волосы оттащил ее в сторону. На ее глазах названный брат скрылся в иле, оставив после себя только несколько мутных пузырьков.

Отец пригрозил ей, чтобы она не смела распространяться о смерти брата, и поскорее организовал состязание за ее руку. Чжэн Ми думала, что ее супругом станет образованный и утонченный второй сын рода Юйвэнь – Юйвэнь Кай. Однако, только прибыв в новый дом и увидев своего однорукого жениха, она узнала, что в погоне за удовлетворением своих амбиций отец заранее договорился, что отдаст ее за Юйвэнь Сюна, грубого и бесстрашного Бога войны.

В первую брачную ночь, увидав ее роскошный наряд, Юйвэнь Сюн пришел в крайнее возбуждение и стал будто совершенно пьяным. Чжэн Ми самодовольно усмехнулась про себя. Все мужики одинаковы, все падки на свеженькое. Им вовсе не нужна добродетельная и степенная супруга, нет, им нужно, чтобы женщина была распутной, но благородной, была отличной хозяйкой и чарующей красоткой, способной удовлетворить любые потребности мужа.

Юйвэнь Сюну нравилась ее белоснежная кожа, шелкови-

стые темные волосы, чистые, как вода, глаза. Его было невозможно прогнать из супружеской спальни, и за то короткое время, что прошло со свадьбы, он уже совсем потерял голову от страсти.

Однако тут его величество отправился в горы Куньлунь на охоту, включив Юйвэнь Сюна в состав свиты, их не было уже несколько дней и скорого возвращения не предвиделось. Чжэн Ми осталась одна, ей только и оставалось, что каждый вечер заливать тоску вином. Ей было не по себе от одиночества в первый месяц супружества.

Она отложила подвески и достала шелковый платок с вышитыми золотыми нитями иероглифами «Юйвэнь», накрыла им лицо и медленно вдохнула мягкий аромат нежной ткани. Если бы ее мужем стал Юйвэнь Кай, этот элегантный юноша, так мастерски умеющий стрелять верхом, как было бы хорошо! Если кого и винить, так отца, который во всем следует принципу получения максимально возможной выгоды, а потому и заставил ее стать женой Бога войны.

Но какое ей было дело до этого Бога войны? Чжэн Ми хотела лишь жить по своим правилам и наслаждаться яркими впечатлениями.

– Цзиньчань, – перевернувшись на бок и сев на край кровати, позвала она служанку.

Все-таки надо пройтись по поместью, кто знает, вдруг получится встретить Юйвэнь Кая? А в комнате сидеть, так недалеко и плесенью начать покрываться!

– Госпожа, вы желаете умыться и причесаться? – подбежала ловкая и изящная Цзиньчань с парой туфель в руках.

– Угу. Как там старшая матушка Цуй, что-то слышно от нее? – беспечно спросила Чжэн Ми.

Усевшись за туалетный столик с зеркалом, украшенным сложными резными узорами, она прополоскала рот соленой водой из серебряной чашки, а затем справила нужду в медный таз.

– Эге, куда там! Тишина. А вот матушка Ли – дело другое, весь день занята приемом гостей, меня тоже звала помогать. Говорит, что сейчас идет приготовление к пиру в честь Праздника весны, рук им не хватает. Но я помню, что мне еще вам прислуживать надо, а потому под этим предлогом отказалась, – склонив голову, Цзиньчань подумала немного, а потом ответила звонким голосом, подобострастно хлопая черными глазами.

– Что ж, чуть погода я с тобой вместе пойду, подсобим.

У Чжэн Ми был свой расчет – она собиралась притвориться благородной девушкой, благопристойной и изысканной, вежливой и предупредительной.

– Слушаюсь, госпожа.

Освободив стол от вещей, Цзиньчань принялась расчесывать хозяйку. Голову Чжэн Ми украшала копна каштановых, слегка красноватых волос – эта особенность девушки делала ее еще более красивой: белая кожа, каштановые волосы, пышная грудь и ягодицы, тонкая талия.

Когда она еще говорить толком не умела, к ним в дом постучался странствующий даосский монах, попросил кружку воды. В благодарность он принялся гадать по лицам каждого из членов семьи, но, дойдя до Чжэн Ми, лишь улыбнулся и ничего не сказал. Только перед самым уходом он со вздохом повторил несколько раз:

– Чудесная плоть красотой совратит, кто подойдет – непременно погиб.

После этого все друзья по детским играм отвернулись от нее, считая, что она приносит несчастья, что каждый, кто сблизится с ней, обязательно попадет в беду. Рядом с Чжэн Ми остался только ее старший братец, он заботился о ней, оберегал ее, потому она и была готова отдать себя ему без остатка. Кто же знал, что он погибнет, точно как было сказано в пророчестве?

Изначально ее отец скептически отнесся к приговору даоса, но после смерти брата Чжэн Ми он уверовал. Решение организовать соревнование за невесту было продиктовано все тем же суеверием: в конце концов, только сильному в боевых искусствах мужчине с подходящей картой бацзы удастся совладать с ней.

Но кто знает, какие грустные думы кружились в ее голове, пока она в одиночестве томилась желанием любви в пустых покоях?

– Госпожа, какого цвета платье желаете надеть сегодня? – в нерешительности спросила Цзиньчань, заколов волосы хо-

зьяйки гребнем из белого нефрита с подвеской в виде цветка.

Каштановым волосам Чжэн Ми больше всего шли белые украшения.

– Кораллового цвета. Хм, нет, карминного.

Чжэн Ми была намерена случайно встретиться со вторым молодым господином дома Юйвэнь, а коралловый цвет слишком бросается в глаза. То ли дело сдержанный карминный! Когда навещаешь старших, нужно соблюдать приличия, не то можно нарваться на осуждение.

– А что второй молодой господин Юйвэнь? Чем он обычно любит заниматься? Похож на старшего брата, тоже любит боевые искусства и забавы с копьем, попойки и охоту? – якобы невзначай спросила Чжэн Ми.

– Госпожа, это не так. Этот второй молодой господин... В поместье всяк и каждый говорит, что он меньше всего похож на члена дома Юйвэнь. Ладно бы он просто книжками увлекался, так нет же, он еще и обожает заниматься делами прислуги – выполняет всю черную работу по ремонту в поместье, – Цзиньчань живо описала Юйвэнь Кая, преувеличивая и не вдаваясь в подробности.

– Да уж, ну и странный он мужчина, – прыснула со смеху Чжэн Ми.

Сидя перед бронзовым зеркалом, она любовалась собой со всех сторон. В карминном платье она напоминала пышно цветущее персиковое дерево, соблазнительное и притягательное. Накинув поверх платья зеленый плащ, подбитый

перьями диких гусей, она окончательно стала похожа на благородную и обворожительную госпожу.

– Таких плащей с гусиными перьями по пальцам пересчитать можно, госпожа! Небось, немало серебра пришлось за него выложить? – Цзиньчань жадно смотрела на редкостный наряд.

Неудивительно – во всем Дундучэне таких наберется самое большое десять штук, а тот, что у Чжэн Ми, – еще и помолвочный подарок от Юйвэнь Сюна, вставший тому в кругленькую сумму.

– Весна стоит, вино течет рекой.

К чему грустить? Ах, как прекрасен груши цвет!

Хочу лишь одного – напиться допьяна!

Плащ свой не пожалею, подай скорей вина!¹²

Задумчиво прочитав любовные стихи, которым когда-то научила ее матушка, Чжэн Ми загрустила.

Когда ей было три года, отец отправился на охоту, и в его отсутствие к ним в дом проник разбойник. Он хотел убить юную Чжэн Ми, но матушка вцепилась в него, готовая быть обесчещенной в обмен на жизнь дочери. Тут вернулся отец, он насмерть зарубил разбойника и хотел уже расправиться с матушкой, но она вырвалась. Отец яростно выругался на нее, назвал грязной потаскухой, не чтящей супружескую добро-

¹² Стихотворение Чжао Гу (806–854 гг.), поэта времен династии Тан (*Прим. ред.*)

детель.

– Ты меня виноватой считаешь? Да, я виновата! Но в чем? Не в том ли, что уродилась слишком красивой? Или, может, в том, что меня осквернили, и я этим запачкала твое имя? Я смерти достойна за это? – рыдая навзрыд, с упреком прокричала матушка.

Ее обвинения только больше распалили гнев отца, он безжалостно убил и жену... Чжэн Цецзун думал, что Чжэн Ми мала и глупа, а потому не может помнить этих кровавых событий прошлого. Ему было невдомек, что все это четко отпечаталось в ее памяти.

Чжэн Ми притворялась, что ничего не знает. Рано осознав, как короток человеческий век, она решила, что жизнью нужно наслаждаться. Как ни крути, всем людям суждено умереть, так что непременно нужно радоваться и получать удовольствие от настоящего момента.

Разумеется, она не стала бы заводить разговор о делах, минувших с Цзиньчань. Время пролетело, Чжэн Ми выросла, расцвела и стала даже краше и обворожительней матушки.

– Пошли, – хлопнула она Цзиньчань круглым веером по плечу, очаровательно улыбнувшись.

Первым делом нужно навестить старшую матушку Цуй, поклониться ей и справиться о здоровье.

Подойдя к дверям покоев госпожи Цуй, Чжэн Ми и ее служанка увидели Юйнуур, беспокойно вздыхавшую и заплаканную.

– Сестрица Юйнур, что стряслось? – с любопытством спросила Цзиньчань, подойдя первой.

– Госпожа Цуй ни с того ни с сего разгневалась, она там внутри рвет и мечет, перебила уже всю утварь! И молодого господина так некстати нет дома, что же делать? – Юйнур схватила Цзиньчань за руку, увидев в ней последнюю надежду на спасение.

– Что же вызвало такой гнев госпожи? – шепотом спросила Чжэн Ми у Юйнур.

– Госпожа... похоже, госпожа злится, что ее чудодейственный эликсир не приносит пользы, злится, что впустую время потратила, – объятая ужасом, высказала Юйнур свои догадки тихим голосом.

Чего все люди так стремятся к вечной жизни? Чжэн Ми усмехнулась про себя. Сколько раз к ним домой приходили странствующие алхимики, занимавшиеся созданием пилюли бессмертия! Батюшка верно говорит, все они – всего лишь жулики, скрывающиеся под маской бродячих фокусников, которые кормятся тем, что дурачат наивных олухов.

– Что ж, тогда нам лучше позвать вторую матушку, чтобы она помогла утешить госпожу, – передумав, Чжэн Ми развернулась и направилась к покоям второго молодого господина Юйвэнь Кая.

– Госпожа, вы не туда пошли. Вторая матушка живет здесь, – поспешно остановила ее прямодушная Цзиньчань.

Чжэн Ми залилась краской и притворилась, что правда

ошиблась дорогой.

– Ай-яй-яй! Ну какая же я бестолковая, видать, не протрезвела еще от выпитого прошлой ночью, – отшутилась она, прикрыв лицо.

Тут прямо перед Чжэн Ми возник Юйвэнь Кай, закутанный в серую мантию, с разными ремесленными инструментами на плечах. Увидав краем глаза Чжэн Ми, он остановился и вежливо поприветствовал ее, сохраняя почтительное выражение лица:

– Приветствую супругу старшего брата.

– Снова ты, братец, сбегаете куда-то, отчего матушке своей не помогаешь? – чуть заметно кивнула Чжэн Ми с легкой улыбкой на губах, сдерживая свою язвительную натуру и смиренно принимая роль жены старшего брата.

– Вы правы. – Юйвэнь Кай оставался на безопасном расстоянии и даже не смотрел на нее.

Эта прекрасная девушка должна была стать его судьбой, но из-за его розыгрыша старшему брату пришлось связать себя узами брака, а красавица стала его невесткой. Юйвэнь Кай опустил голову и сложил руки у груди в почтительном жесте, не в состоянии скрыть своего смущения.

Глядя на пристыженное выражение его красивого лица, Чжэн Ми невольно порадовалась, но ее чувства не ослабли. Она решила поддразнить Юйвэнь Кая, чтобы узнать его натуру поближе.

– Братец, такие холода стоят на улице! Отчего ты не пой-

дешь в увеселительные кварталы, не согреешься вином и девушками? – грациозно ступая и покачивая бедрами, приблизилась к нему Чжэн Ми. Ее каштановые волосы колыхались с каждым шагом.

– Благодарю невестку за заботу. Я занят строительством храма, сроки работы сжатые, у меня почти нет свободного времени, так что совершенно не подобает тратить его на увеселения и пьянки, – сжался от испуга Юйвэнь Кай.

Увидев, что он человек высоких нравов и строг к себе, Чжэн Ми внезапно почувствовала раздражение. Она потеряла интерес, даже почти разочаровалась в этом чурбане. Оставим его пока в покое! Натянув на лицо улыбку, она хвалебно произнесла, кривя душой:

– Братец, ну какой ты молодец! Так юн, а уже строительством занимаешься!

Договорив, она качнула тонкой талией и направилась в покои Ли Чжэньмэй, оставив после себя лишь благоухающий аромат.

– Вторая матушка, здравствуйте, – обратилась Чжэн Ми к Ли Чжэньмэй, которая внимательно изучала учетные книги, сидя за столом.

Краем глаза девушка увидела, что стол в полнейшем беспорядке завален обрывками бумаги, нитками и безделушками. Ли Чжэньмэй пропустила мимо ушей ее приветствие, поэтому Чжэн Ми ничего не оставалось, как снова позвать ее, напомнив о себе. Только тогда Ли Чжэньмэй подняла голо-

ву, открыв свое прелестное лицо. Почти не разжимая пухлых вишневых губ, она равнодушно произнесла:

– А, это ты.

– Вторая матушка, с матушкой беда приключилась, прошу вас, пойдете со мной, – настойчиво сказала Чжэн Ми, не обратив внимания на холодность собеседницы.

– Беда приключилась? Да что с ней могло случиться? Она же только и делает, что целыми днями пилюлю бессмертия в своей киноварной изготавливает, – Ли Чжэньмэй нахмурила свои тонкие брови, но не шелохнулась, уставившись в учетную книгу и не выпуская ее из рук.

Она наконец из невестки превратилась в свекровь, а потому могла позволить себе заносчивость и пренебрежение.

– Не знаю, что там случилось, но матушка в своих покоях рвет и мечет, это на нее совсем не похоже, – Чжэн Ми не знала, как правильно объяснить сложившуюся ситуацию.

– Ммм, – протянула Ли Чжэньмэй, в ее взгляде вдруг мелькнул огонек хитроумной мысли.

Девушка сдержанно ждала ее ответа.

– Ну что ж, пойдём вместе посмотрим, что там такое, – после долгих размышлений произнесла наконец Ли Чжэньмэй.

Чжэн Ми в сопровождении Цзиньчань и Ли Чжэньмэй вместе с Биюнь вчетвером отправились к покоям госпожи Цуй Юйфан. Когда они подошли к дверям, след Юйнур уже давно простыл, изнутри раздавались лишь бранные вопли госпожи, сопровождаемые пыхтением раздувавшихся мехов.

– Сестрица Юйфан, – мягко позвала Ли Чжэньмэй, выйдя вперед.

Биюнь открыла своей госпоже дверь, но не успела та ступить внутрь, как Цуй Юйфан явилась собственной персоной, яростно крича:

– Прочь отсюда! Ах вы, шлюхи лицемерные, снова притащились, чтобы навредить мне?

Выплюнув эти слова, она словно в помешательстве вдребезги разбила чашку и убежала обратно к себе.

Чжэн Ми увидела, что лицо Ли Чжэньмэй то заливалось краской, то белело. Сколько найдется женщин, способных стерпеть несправедливое оскорбление?

Голос старшей матушки был хриплым, сбивчивым, наверняка это результат чрезмерного употребления эликсира. Из-за него же и нервное расстройство, галлюцинации, поэтому она и не узнает пришедших.

– Вторая матушка, видимо, старшая матушка слишком много эликсира приняла, а потому так раздражительна. Может, подать ей усыпляющего отвара, чтобы помочь успокоиться? – предложила Чжэн Ми Ли Чжэньмэй.

– Усыпляющий отвар? А ты разбираешься в лекарствах? – недоверчиво взглянула Ли Чжэньмэй на девушку, будто пытаясь увидеть ее насквозь.

– Знаю, но немного. Когда я была маленькой, часто не могла есть и спать от волнения и тревог, тогда батюшка выведal у даосских монахов рецепт снадобья. Его достаточно

совсем чуть-чуть принять, как начинает в сон клонить, – смысленно ответила Чжэн Ми.

Пока они говорили, из дверей вылетел черный предмет, пронесся над их головами и плюхнулся на землю, подняв вокруг себя столб пыли. От испуга четыре женщины отскочили в разные стороны. Присмотревшись, Чжэн Ми поняла, что это расшитая подстилка из лисьего меха. Следом за ней из дверей показалась Цуй Юйфан, ее распущенные поседевшие волосы были взлохмачены, в руках она крепко держала меч из персикового дерева и, беспорядочно размахивая им, двинулась на них. Перепуганные Цзиньчань и Биюнь убежали, а Чжэн Ми, научившаяся от отца основам боевых искусств, смело выступила вперед, закрывая собой Ли Чжэньмэй. Одной рукой она схватила Цуй Юйфан за запястье, – хрясь! – и меч выпал из ее рук.

– Ах вы подлые подстилки, да под кого вы только не погибались! Небось думаете, я не знаю, что вы сотворили? Не знаю, что вы подкинули в наш дом ублюдка-бастарда, опозорив честь предков рода Юйвэнь? – в беспамятстве разразилась грязными ругательствами Цуй Юйфан.

Слушая все это, Чжэн Ми залилась краской. Вокруг столпились слуги, прибежавшие поглазеть на шумиху. Лицо Ли Чжэньмэй приняло еще более болезненный вид, она вдруг вспыхнула гневом и принялась разгонять слуг, шепотом приказав Биюнь принести полотенце, чтобы заткнуть старшей госпоже рот.

– Цзиньчань! – Чжэн Ми тоже засуетилась и позвала служанку, чтобы та немедленно приготовила усыпляющий отвар из лекарственных трав.

Сейчас самое важное – привести старшую матушку в чувство, не позволить ей и дальше неподобающе вести себя, безумно вопить – а то так недалеко и насмешек дожждаться. Чжэн Ми и Ли Чжэньмэй взглянули друг на друга, прекрасно понимая, о чем думает каждая из них. С помощью Биюнь они насильно затащили Цуй Юйфан в ее покои, где весь пол был завален пустыми кубками и мисками. Толкнув ее на кровать, они разорвали платье на полосы, которыми связали ноги и руки госпожи. Только управившись с этим, три женщины вздохнули с облегчением.

– Вторая матушка, болезнь старшей матушки кажется очень серьезной. Мы будем ждать возвращения супруга, а пока просить у богов исцеления? Или же... – Чжэн Ми прикусила язык, ожидая решения второй матушки.

Когда молодая девушка только входит в новую семью, ей не стоит с порога показывать свою силу.

– Так разве у тебя нет успокоительного отвара? Нельзя же дать госпоже вот так буянить, нарушая спокойствие во всем доме! – взволнованно спросила вторая матушка, она была в полном смятении.

– Вторая матушка, не беспокойтесь, я уже послала служанку приготовить отвар, нужно лишь немного подождать, – опустив голову, поклонилась Чжэн Ми. Она отчетливо виде-

ла, как Ли Чжэньмэй пытается подавить в себе панику.

– Госпожа, – взволнованно вбежала в покои Цзиньчань и почтительно подала плотно прикрытую глиняную миску с отваром. Такое лекарство можно готовить только в специальных глиняных горшках, иначе лечебный эффект не проявится.

– Лекарство готово. Вторая матушка, у вас и так много дел, вы можете идти, а я позабочусь о старшей матушке, – почтительно поклонилась Чжэн Ми.

У второй матушки душа не на месте, не стоит ей оставаться здесь, только больше встревожится.

– Хорошо. Эй, а где же Юйнур? Беспутная девчонка, куда она убежала? А кому за госпожой ухаживать? В этом месяце не получит и ляна серебра! – оглядевшись и не увидев служанки старшей госпожи, сказала Ли Чжэньмэй, задыхаясь от возмущения.

– Вторая госпожа, я виновата! Госпожа Цуй все лицо мне в кровь расцарапала, я отошла только чтобы мазь нанести. Прошу, простите меня! – Юйнур словно из-под земли выскочила.

Она бросилась Ли Чжэньмэй в ноги и принялась оправдываться, стоя на коленях. На запрокинутом лице переливался фиолетовым огромный синяк, окруженный множеством порезов с запекшейся кровью, похожих на следы острых когтей дикого зверя – смотреть на бедняжку было невыносимо.

– Как старшая госпожа могла так поступить? – нахмутив-

шись, спросила Ли Чжэньмэй, обращаясь то ли к Юйнуру, то ли к самой себе.

Чжэн Ми держала ухо остро, наблюдая за происходящим со стороны. Биюнь и Цзиньчань, действуя сообща, разжали рот Цуй Юйфан и влили в нее отвар. Чжэн Ми крепко сжала руки свекрови, не давая ей вырваться. Девушка никак не могла взять в голову, почему даже самые умные и духовные люди попадают в ловушку эликсира бессмертия и теряют из-за него рассудок.

– Вторая госпожа, госпожу Цуй вчера вечером словно что-то напугало. Ваша покорная служанка спит в пристройке, в ночи мне приспичило встать по малой нужде. Кажется, я видела какого-то человека, он говорил с госпожой Цуй. Мне еще подумалось, что это все спросонья померещилось. А утром, когда настало время умывания и причесывания, я почувствовала, что как-то нехорошо госпожа Цуй выглядит, да и вспыльчива очень. И вот пока я ее расчесывала, госпожа вдруг поднялась и принялась раскидывать и бить все, что под руку попадалось, я перепугалась и выскочила на улицу. Потом госпожа нашла меня, схватила и... – горестно всхлипывая, Юйнуру не смогла договорить.

Чжэн Ми задумалась: как-то не складываются слова Юйнура. Она же только что говорила, что неподобающее поведение госпожи было вызвано недоработанным эликсиром бессмертия, а сейчас уже новую версию предлагает? Чжэн Ми пристально взглянула на Юйнура. Что за капкан расставляет

эта служанка?

– Ми, девочка моя, – донесся до ее слуха ласковый оклик второй матушки.

– Вторая матушка, какие будут распоряжения? – подняв голову, откликнулась она.

Лежавшая на кровати Цуй Юйфан постепенно успокоилась, было слышно, что ее дыхание выровнялось. По всей видимости, отвар и впрямь оказался эффективным. Чжэн Ми развязала тканевые полоски, освободив свекрови руки, и укрыла ее расшитым одеялом.

– Биюнь, Юйнур, уберитесь в покоях старшей госпожи, замените всю побитую посуду на новую. Праздник весны на носу, давайте в конце года все как следует поработаем, попросим милости у богов, чтобы они благословили род Юйвэнь и будущий год прошел гладко! – сохраняя властный облик и невозмутимость хозяйки дома, произнесла Ли Чжэньмэй.

Затем она ласково протянула к Чжэн Ми руки, та поспешно приняла этот жест, и Ли Чжэньмэй притянула девушку к себе.

– Ты очень помогла сегодня с госпожой. Ах, как было бы хорошо, если бы ты стала женой моего Кая!

Когда вторая матушка вот так раскрыла перед ней душу, Чжэн Ми склонила голову и смущенно улыбнулась. На душе вдруг стало грустно, она ведь тоже только и мечтала о том, чтобы стать женой Юйвэнь Кая. Игры судьбы жестоки, никому не под силу противиться решениям богов.

– Ми, ты такая смышленная, такая умная. Как ты думаешь, это эликсир бессмертия так на госпожу повлиял? Или, может, кто-то тайком подсыпал ей яд? – Ли Чжэньмэй притянула Чжэн Ми и усадила ее на плетеный стул, после чего осторожно задала вопрос.

– Вторая матушка, вы слишком хвалите меня. Судя по виду старшей матушки, скорее всего, она правда приняла слишком много эликсира бессмертия и помутилась рассудком, из-за чего и впала в безумие. А вы как считаете? – задала встречный вопрос Чжэн Ми.

– Мне-то откуда знать? Я ведь из иероглифов только свое имя и могу написать, ничего, кроме стен дома, в своей жизни не видела, только и знаю, как ухаживать за цветами в поместье да застолья устраивать. Какой еще от меня прок? – хотя слова Ли Чжэньмэй были в высшей мере скромными, но на самом деле она так лишь хвалилась своей фактической властью.

– Вторая матушка, вы очень талантливы, все в поместье об этом знают! То, что второй молодой господин Юйвэнь так трудолюбив и хорошо воспитан, тоже ваша заслуга, результат ваших стараний, – слегка улыбнулась Чжэн Ми, прикрыв рот рукой. Со второй матушкой намного проще поладить, чем с главной госпожой.

– Но ведь ты сама не захотела стать женой моего Кая! Это так, между нами, как между матерью и дочкой, поговорим начистоту. Если кто другой прознает – плохо будет, – легко

улыбнулась Ли Чжэньмэй, говоря то ли всерьез, то ли в шутку.

– Вторая матушка, вы так искусны и у вас такой хороший вкус, могу предположить, что в юности вы тоже были первой красавицей во всей округе! – Чжэн Ми интуитивно почувствовала, что Ли Чжэньмэй – выдающаяся женщина.

– Куда мне с тобой тягаться? Природа наделила тебя изумительной красотой, а потому ты обязана быть порядочной и верной супругой. Другие мужчины будут толпами за тобой бегать, но, боюсь, только Богу войны Юйвэнь Сюну и удастся покорить тебя, умерить пыл прочих воздыхателей, – голос Ли Чжэньмэй становился все тише и ниже, пока она говорила это.

К чему одной женщине понадобилось ставить другую в неловкое положение? Просто Ли Чжэньмэй раскусила натуру Чжэн Ми.

Слушая вторую матушку, та почувствовала, как по телу побежали мурашки – Ли Чжэньмэй не так проста, как казалась. Сохраняя благопристойную позу, девушка мягко ответила в свою защиту:

– Судить о вещах нужно с чистым сердцем, нельзя иметь пристрастий, только тогда можно будет познать их истинную суть. Раз уж я вошла в дом Юйвэнь в качестве невестки, значит, всю жизнь до самой смерти останусь членом семьи Юйвэнь.

– Вот как? Уж не знаю, как обрадовалась бы старшая гос-

пожа, услышь она эти твои слова, – одобрительно погладила ее по плечу Ли Чжэньмэй.

Затем она встала и скрылась в покоях, а чуть погодя вернулась с парчовым мешочком, мелко расшитым шелковыми нитями. Ли Чжэньмэй развязала его и достала черный, глянцево блестящий гребень, а затем, наклонившись, воткнула его в прическу Чжэн Ми. Та послушно приняла подарок: все-таки он не без причины получен.

– Благодарю вторую матушку за доброту, – радостно произнесла Чжэн Ми, проведя рукой по гребню.

– Твоим пышным волосам очень идет этот гребень из черного нефрита, смотрится дорого и изящно. Добрым скакунам положены роскошные седла. Ах, меня так беспокоит здоровье старшей госпожи! Послушай, а если она будет долгое время принимать вот это твое лекарство, погружающее в сон, не повредит ли это? Вдруг и правда что случится, как же я тогда буду ответ перед Сюном держать? – улыбку словно сдуло с лица Ли Чжэньмэй, она вдруг нахмурилась и стала чернее тучи.

Чжэн Ми прониклась состраданием и попыталась придумать, чем могла бы ей помочь.

– Вторая матушка, во всем нужно знать меру. Это лекарство можно спокойно принимать от трех до пяти месяцев, но если продлить этот срок до года, то эффект может быть непредсказуемым. Не беспокойтесь, я непременно сделаю все, что в моих силах, – Чжэн Ми сказала чистую правду,

этим она будто обязывала Ли Чжэньмэй.

– Ми, как я тебе благодарна! Если вдруг будешь чувствовать себя одиноко в большом поместье Юйвэнь, захочешь побеседовать с кем-то, иди сразу ко мне, я всегда буду рада выслушать, – легко и нежно улыбнулась Ли Чжэньмэй, сразу же просветлев.

Чжэн Ми, однако, почувствовала, что ее намерения не так просты и поверхностны, но решила не спешить с выводами – чтобы по-настоящему узнать человека, нужно время. Рассмеявшись, она подхватила тон второй матушки:

– Всенепременно! Вторая матушка, время позднее, не смею вас больше задерживать, благодарю за ваше радушие.

Когда Чжэн Ми вернулась к себе, Цзиньчань тут же поспешно подала ей обед. Девушка уже изрядно проголодалась, но тут заметила, что на столе прибавилось блюдо, которого раньше не было – тушеная баранина в красном соусе.

– А это откуда взялось? – спросила она, ткнув пальцем в еще шкварчащее¹³ и источавшее чудесный аромат мясо.

– Это принесли люди второй матушки, сказали, что послезавтра будет совершаться жертвоприношение духам предков, а потому сейчас всем домочадцам раздают баранину, пока свежая. Но я считаю, что это такая отговорка – только нам баранину и принесли. Просто вторая матушка особенно

¹³ Данное блюдо подается либо в нагретой глиняной посуде, либо в маленьком котелке, подогреваемом снизу, поэтому даже на столе оно продолжает шкварчать.

ценит вас. – Цзиньчань прекрасно разбиралась в таких вопросах.

– И то правда. Вторая матушка действительно добрее и внимательнее старшей матушки. У той лицо вечно застывшее, без капли чувств, да еще нотации читать любит, точно монахиня даосская. Надоедлива и скучна, что слов нет! – радостно болтала Чжэн Ми, внимательно отбирая как следует проварившиеся кусочки мягкой баранины.

Когда она впервые пришла поприветствовать старшую матушку, то нарядилась в одно из лучших платьев, почтительно опустила на колени вместе с Юйвэнь Сюном, отдала земной поклон. Чжэн Ми была уверена, что первая встреча с матерью мужа пройдет без особых церемоний. Кто же знал, что та разразится тирадой нравоучений! Веди себя как достойная женщина, знай свое место, будь послушна, бла-бла-бла, и так до бесконечности. Чжэн Ми ничего не оставалось, как покорно слушать и смущенно улыбаться, терпя головокружение и боль в онемевших коленях. Хорошо еще, что Юйвэнь Сюн догадался вступить за нее – поднял с колен, поручился за нее перед матушкой. С тех пор Чжэн Ми воспринимала ежедневный ранний подъем, приветствие матушки и выслушивание ее поучений как бесчеловечную пытку.

– Госпожа, вы можно сказать, от бремени освободились – ближайшее время не придется мучиться, – заискивающе произнесла Цзиньчань, сощуриив свои и без того маленькие глаза.

– Небо благоволит желаниям людей! – Чжэн Ми была в прекрасном настроении.

Она не смогла доесть всю баранину, отложила палочки и отдала Цзиньчань блюдо, до краев заполненное мясом с характерным тяжелым запахом. Служанка была родом из Лунси на северо-западе, а потому обожала такое кушанье.

Приближался день жертвоприношения предкам, а значит, супруг скоро должен был вернуться, чтобы провести обряд. А больше в этом празднике ничего интересного не было. Чжэн Ми взяла хрустящую жареную лепешку и принялась жевать ее без особого аппетита. Все ее мысли были заняты Юйвэнь Сюном: его образом, его грубоватыми манерами, громким хохотом, мускулистой фигурой. Все ее нутро тосковало по нему.

– Ах, где же мой супруг, мой Бог войны? Даже и не знаю, когда он вернется. – Чжэн Ми непроизвольно прижала рукой низ живота, там было тепло от постепенно закипавшего желания.

– Госпожа, я убеждена, что молодой господин Юйвэнь тоже ждет не дождется возвращения! – сидя на корточках у низкого столика и уплетая баранину, Цзиньчань подняла измазанное в жире лицо и, хлопая глазами, нашла слова утешения.

– Но он даже весточки о себе не передал. Ах да, не забудь еще отвара приготовить и отнести старшей матушке, чтобы второй матушке не пришлось утруждаться этим. – Чжэн

Ми сняла черный нефритовый гребень и, сжав его в ладони, ощутила резкий холод камня, попутно размышляя, как справиться с охватившим ее сильнейшим желанием.

Глава 38

Юйвэнь Ху: Тень цветов абрикоса¹⁴

¹⁴ Стихотворение сунского поэта Цзян Куя (1155–1221), выражающее тоску о возлюбленной, находящейся в далеких краях, и воспоминания о прекрасном прошлом.

Лучи рассветного солнца озаряли несметное число людей, стоявших на коленях у дверей строгого Дворца Великого Начала. Их ровный строй был похож на огромную острую стрелу, наведенную в покои императора.

Лежавший на кровати Юйвэнь Ху, медленно отходя ото сна, с трудом разлепил глаза. Под самым потолком колонны обвивал золотой дракон, созданный так искусно, что казался живым. Его изумрудные глазные яблоки пристально всматривались в государя. Фух, глаза снова видят, темнота ушла. Юйвэнь Ху поднял руку и потрогал лоб – тот был горячий, как кипяток, затем император повернул голову. Сквозь золотой тюлевый балдахин смутно проступали очертания фигуры Ло Шэньли, перешептывавшегося с кем-то.

Юйвэнь Ху изо всех сил напряг память, пытаясь восстановить недавние события. Вот он проснулся и принялся за утренние процедуры. Взглянув в зеркало, Юйвэнь Ху задумался: он не молодеет, в бороде и волосах уже кое-где проглядывает седина, а наследника все еще нет. Причесывая императора, Ло Шэньли напомнил ему, что супруга Мужун уже беременна царственным отпрыском, роды ожидаются ранней весной, в самом начале нового года.

Супруга Мужун... При упоминании этой красавицы, которую На Цинчжао прислал во дворец, он предпочел промолчать. Императрица-мать неоднократно предостерегала сына: ни в коем случае нельзя влюбляться в Мужун Цзялянь, ведь, хотя внешность девушки нежна и прелестна, ей на роду

написано принести несчастье мужу. С момента, как Цзялянъ вошла во дворец, ее судьба была определена – не быть ей императрицей. Она дочь чиновника-изменника, а ему нужно постоянно быть начеку, чтобы не допустить объединения и восстания родов Мужун и На.

Чтобы долго удерживать власть и контроль в своих руках, необходимо самому оставаться сильным и сохранять авторитет. Скоропостижная смерть главы канцелярии Цуй Жусу и главнокомандующего На Цинчжао стали для него настоящим подарком Небес – раз! – и двумя потенциальными заговорщиками и сильными противниками меньше.

Одной глубокой ночью он вдруг проснулся и задумался о своих боевых братьях, с которыми проливал кровь на полях сражений: Юйвэнь Цзэ, Цуй Жусу, Мужун Синь, Цао Гуй, На Цинчжао – все они уже на том свете, и только он один смог вскарабкаться на императорский трон.

Потом он вспомнил, что все эти сановники хоть и умерли, но оставили после себя сыновей и дочерей, а кто-то даже внуков – они продолжают жить в своем потомстве. И только он один-одинешенек, великий правитель огромной страны без единого ребенка. От этих мыслей на душе стало не по себе. Юйвэнь Ху подумал о своих супругах: Цин Няоло сослана в Ледяной дворец, Мэй Сюэи надменна и своенравна, Цинь Хуа хоть и развлекает его каждую ночь, но пока безрезультатно, а Мужун Цзялянъ хоть и забеременела, но она ему ни капли не нравится. Ни одна из его женщин не подарила ему

наследника! Беспольные, никчемные!

Юйвэнь Ху не смог сдержать гнева, кровь ударила ему в голову. Перед глазами мелькнул грозный дракон на вершинах балок, а затем резко превратился во множество маленьких драконов, набросившихся на императора. Опять эта проклятая слепота! Он громко закричал и рухнул на кровать в беспамятстве.

– Ваше величество, вы проснулись? Хвала Небесам! – услышав шорох от его движений, Ло Шэньли подполз ближе и, дрожа от страха, позвал государя.

– Да, мне уже намного лучше. Что за люди преклонили колени за стенами дворца? – хотя дыхание Юйвэнь Ху было слабым, его голос сохранил суровость и строгость: авторитет императора никуда не делся.

– Отвечаю вашему величеству. Когда ваш преданный слуга увидел, что вы упали в обморок, я тут же вызвал всех докторов из Ведомства придворных лекарей, чтобы они выяснили, что с вами произошло. Кто бы мог подумать, что у каждого из них был свой ответ, сто с лишним выдающихся, талантливых умов из Ведомства придворных лекарей не могли найти причину, объяснить, что случилось и что делать дальше. Только благодаря отвару из женьшеня, приготовленному лекарем Ян Сухэ, состояние вашего величества улучшилось.

– Немедленно позвать сюда Ян Сухэ! У меня есть вопрос к нему.

Юйвэнь Ху встрепенулся – этот Ян Сухэ владеет удиви-

тельным искусством врачевания, молва о нем ходила уже давно. Он в совершенстве владел техниками предупреждения болезней и хорошо разбирался в искусстве достижения долголетия. Последнее время слепота все чаще одолевала Юйвэнь Ху, симптомы становились только хуже, а потому ему срочно нужно было поговорить с лекарем и выяснить причину болезни.

– Ваш покорный слуга Ян Сухэ прибыл на аудиенцию к государю, желаю вашему величеству доброго здоровья и вечного долголетия! – приветствовал императора спокойный, умудренный годами глава Ведомства придворных лекарей Ян Сухэ.

Все его предки были врачами. Он имел худосочное деликатное телосложение, лицо было нежным, как у младенца, а глаза светлыми и чистыми. За исключением нескольких белоснежных волосинок в бороде, во всем его облике не было ни одного следа одряхления или упадка духа.

– Ян Сухэ, проверь мой пульс, изучи его внимательно. Что мне нужно сделать, чтобы сохранить здоровье, прожить еще многие годы? – откинувшись на толстую тигровую шкуру, повелительным тоном спросил Юйвэнь Ху, воспрявший духом.

– Слушаюсь, ваше величество!

Ян Сухэ на коленях приблизился к постели императора, достал лекарскую сумку, а затем отложил на скамеечку, покрытую тонко расшитой парчовой тканью, чтобы проверить

пациенту пульс. Юйвэнь Ху протянул к нему руку и раскрыл ладонь, прикрыв глаза.

Половина благовонной палочки сгорела, прежде чем Ян Сухэ завершил прощупывание пульса. Спокойным голосом он обратился к императору:

– Небеса наградили ваше величество исключительной отвагой и силой, всего одного рецепта будет достаточно для восстановления энергии.

– Что за рецепт? Немедленно подготовь его, – Юйвэнь Ху распахнул глаза и возбужденно поторопил лекаря, сгорая от нетерпения.

– Прошу позволения покинуть покои государя, чтобы написать рецепт. Ваше величество, подождите немного. – Ян Сухэ поклонился, поднялся и торопливо вышел.

Немного погодя пришел Ло Шэньли, почтительно держа рецепт Ян Сухэ двумя руками на уровне головы. Он развернул сверток и подал его Юйвэнь Ху для ознакомления. Яркий солнечный свет озарил густо исписанный белый лист. Особенно отчетливо выступало слово «самоограничение». Поспешно пробежавшись глазами, Юйвэнь Ху оглушительно захохотал, запрокинув голову. Отсмеявшись, он помрачнел и озадаченно произнес:

– Неужели вот так просто?

– Отвечаю вашему величеству. Секрет поддержания здоровья – самоограничение, ни больше ни меньше. Со времен глубокой древности, когда жили совершенномудрые, не бы-

ло ни одного даоса-отшельника, кто бы ни следовал этому правилу. В «Даодэцзине» сказано: от разнообразия цветов человек слепнет, от разнообразия звуков человек глохнет, от разнообразия приправ человек перестает различать вкусы. Бешеная скачка на конях и охота приводят людские сердца в неистовство. Когда человек чего-то жаждет, но никак не может это получить, он оказывается способным навредить другим. По этой причине совершенномудрые заботились лишь об утолении чувства голода, они не стремились к наслаждениям. Они ограждали себя от соблазнов, выбирали простой образ жизни, во всем знали меру. Если ваше величество прислушается к указанию доктора, ограничит себя в вине и развлечениях с красавицами, уделит покою и отдыху целый месяц, то тогда вы не только полностью исцелитесь, но и продлите свою жизнь на долгие годы. Долголетие государя есть счастье народа! – легонько поглаживая седеющую бороду, уверенно произнес Ян Сухэ, заранее подготовившийся к этому разговору.

– Хорошо, я последую совету уважаемого сановника. Ло Шэньли, щедро награди Ян Сухэ и прикажи остальным бесполезным шарлатанам преклонить колени у дворца, пускай холодный ветер растормошит их!

Юйвэнь Ху ощутил подъем духа. Он немедленно велел издать указ и передать его содержание супругам императорского гарема, чтобы они не волновались. Государь намерен временно отказаться от алкоголя и женской компании. Он не

будет посещать Дворец Текущих Вод, пускания лодок и гулянья отменяются, государь также не будет любоваться цветами и снегом во Дворце Путеводной Звезды. Указ вступает в силу незамедлительно. Этот месяц государь проведет в кабинете Дворца Наслаждения Словом, занимаясь изучением докладов чиновников, переписыванием священных текстов и медитацией для очищения сердца, смирения желаний и совершенствования своих моральных качеств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.